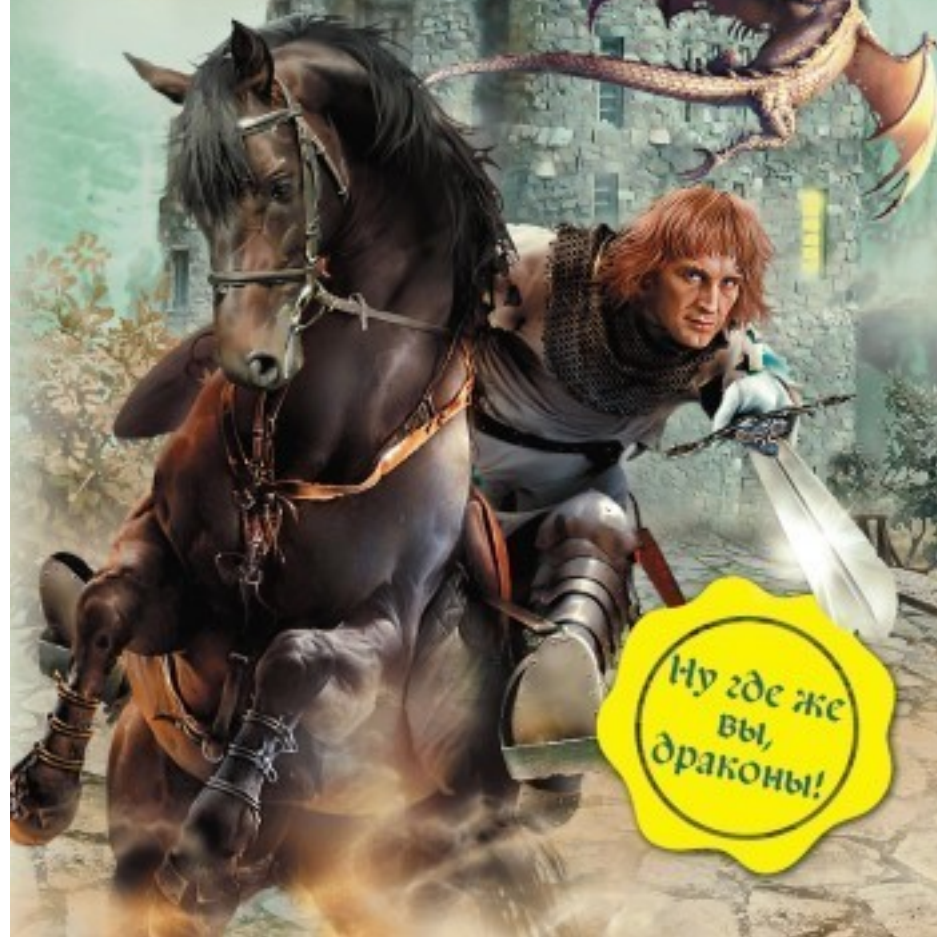

Гай Юлий Орловский

Щучья

Длинные Руки —
граф

Ну где же
вы,
драконы!

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – гауграф

«ЭКСМО»

2009

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – гаугграф / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2009 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-35348-4

Доблестные рыцари бьются с троллями, ограми и каменными великанами, самые сильные и отважные вступают в поединки с драконами. Но самые опасные противники, перед которыми и драконы просто щенки, – умные и расчетливые люди. Благородный сэра Ричард сталкивается с изощренным коварством. И впервые не знает, как ответить адекватно, не уронив достоинства.

ISBN 978-5-699-35348-4

© Орловский Г. Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – гауграф

Часть I

Глава 1

Всю городскую площадь заполняет простой народ в «немаркой» одежде, из-за чего эшафот высится, как остров, посреди моря серой грязи.

Еще не умолк голос глашатая, как от городских ворот полыхнуло радостным чистым цветом, словно после грозы взошла яркая радуга: с грозным цокотом копыт в нашу сторону, раздвигая эти серые комья, но не пачкаясь, двинулись красные, синие, желтые, оранжевые всадники – цветные от ярких перьев на шлемах до крашенных конских копыт.

Серый народ таял на их пути, исчезал, а рыцари пробивались ко мне, надменные, спесивые, на рослых украшенных цветными попонами конях, все до единого закованные в боевые доспехи, с пурпурными плащами за плечами.

От них пугливо отшатывались – высокородный рыцарь охотно даст пинка в зубы простолюдину, если тот без разрешения коснется благородного животного грязными лапами.

Все с поднятыми забралами, только передний с непокрытой головой, но сзади гордо на огненноглазом жеребце оруженосец со шлемом наготове в обеих руках. На металлическом гребне развеивается пышный султан из крашенных перьев.

Я охнул в изумлении:

– Барон... А вы как здесь?

Он ответил весело:

– Потом, все потом. Сэр Люис, буду вашим должником, если уступите на время седло своего коня сэру Поло... тьфу, сэру Ричарду.

Молодой рыцарь, к которому он обратился, ответил с готовностью:

– Да, конечно! Рад служить вам, сэр.

– И сэру маркграфу, – добавил Витерлих с широкой улыбкой.

Рыцарь отдал мне честь.

– Мой конь в вашем распоряжении, сэр маркграф. Как и я, кстати.

Он подъехал к помосту и соскочил на землю, удерживая повод. Я хотел прямо с края прыгнуть в седло, но не с моими силами, рыцари прижали коней к помосту боками и протянули руки. Я оперся, мне помогли перебраться на коня, тут же окружили, загораживая стальными телами, словно я уже на прицеле арбалетчиков.

Витерлих взмахнул рукой, отряд сомкнулся еще плотнее, став похожим на стальной слиток с множеством сверкающих ребер. Мы двинулись через площадь, от Витерлиха мощно пахнуло винными парами, я понял, почему постоянно улыбается и отчего рожа довольная и красная.

Мы промчались к городским воротам, оттуда наши кони перешли в галоп. Рыцари то и дело тревожно оглядывались, один вполголоса сказал Витерлиху, что не мешало бы пустить фантомов по ложному пути, тот ответил беспечно, что магов Его Величества никакие фокусы не собьют с пути, не стоит и тужиться, смешить неприятеля или хотя бы противника.

Он придержал коня, некоторое время мы неслись рядом. Он всматривался в меня веселыми глазами. С другой стороны меня готовился подхватить, если начну падать, хмурый неразговорчивый рыцарь с гербом черного ворона на груди.

– Вовремя? – спросил Витерлих беспечно. – Сэр Поло... Господи, теперь не скоро при-
выкну! А правда, что вашим именем в королевстве пугают детишек? Вы в самом деле людоед?

Я спросил в лоб:

– Что вас заставило так рисковать?.. Это же вызвать неудовольствие Его Величества!

Он хохотнул.

– Как вы, оказывается, умеете говорить мягко! Неудовольствие, надо же... У Его Вели-
чества одним неудовольствием не отделаешься.

– Все-таки?

Он взглянул на меня пьяненькими глазками.

– Ах, сэр Ричард... ого, я уже запомнил!.. меня так легко убедить...

– А кто вас убедил?

Грохот копыт заглушил мой пока еще слабый голос. Мы вихрем пронеслись через долину,
миновали лощину, дважды проскакивали через рощи, промчались по широкому броду, взме-
тывая широкие крылья серебристых крыльев из капель воды, наконец выметнулись на простор.

Лес, как величественный занавес из тяжелого зеленого бархата, ушел в стороны. Я ахнул
при виде отдаленного горного пика, одинокого и прекрасного в суровой простоте, на вершине
которого расположился замок. Чем выше располагается замок, тем он считается лучше и пре-
стижнее. Лорды постоянно соперничают за право называться хозяином самого высокого замка,
потому что близость к небу его шпилей как бы отражает мощь его властелина. Сила Цоллер-
нов, как помню, подчеркивалась тем, что их замок обогнал по высоте замок Гогенцоллернов
на полторы сотни метров, а это наполнило души владельцев такой гордостью и спесью, что они
взяли фамилию в честь горного пика и стали Гогенбергами.

Я спросил:

– Ваш?

Витерлих с опаской то поглядывал на небо, то поворачивался в седле и всматривался в
пыльное облако за нашим отрядом.

– Увы, – ответил он озабоченно, – мой намного дальше. За сегодня не доберемся, при-
дется ночевать здесь. Погони пока нет, просто чудо... Но если будем ехать и ночью, нам не
поздоровится.

Голос его был невесел, а лицо потемнело.

– Чей замок? – спросил я.

Он тяжело вздохнул.

– Моего дяди.

Я переспросил понимающе:

– Не ладите?

Он покачал головой.

– Хуже. Он... ладно, увидите сами. Я стараюсь не появляться здесь, хотя после смерти
моих родителей он был моим опекуном, а теперь единственный близкий родственник.

– Как его зовут?

– Гримоальд фон Брауншвейг, граф Вольфенбюттель, барон Геттинген Гольштейн-Шау-
энбург и прочее. Он все время помнит, что является отпрыском древнего рода!

– А это так ужасно, – сказал я ему в тон.

– Я всегда знал, – прокричал он в ответ, – вы меня поймете!

– Вы, сэр Витерлих, – спросил я, – как молодое поколение, отринули старые традиции?

– А то, – ответил он гордо. – Старые пердуны во всем неправы!

Предки графа Вольфенбюттеля избрали для замка скалистый пик над идиллически ров-
ным цветущим лугом с прекрасной сочной травой, где теперь деревни с аккуратными квад-
ратами полей. Сэр Гримоальд, похоже, то ли из почтения к предкам, то ли по лени, ничего
не перестроил. А сам замок не желает разваливаться: каменная стена по-прежнему надежно

опирается на контрфорсы, зубцы на стене чередуются с амбразурами, над воротами нависает широкий каменный навес, где можно расположить как лучников, так и запас камней. Не говоря уже о том, что ворота расположены в привратной башне, что значит, нам придется проехать через мышеловку с опускающимися железными решетками.

Чем ближе оказывался замок, тем внимательнее и настороженнее я его рассматривал. С трех сторон эту маленькую крепость продолжает скальный пик, подъехать можно только вот по этой дороге, но путь преграждает широкий ров, настоящий ров, первый, увиденный здесь в Ундерлендах и вообще в Сен-Мари, а мост поднят.

Когда я различил деталей больше, ахнул: рядом с большим подъемным мостом еще и маленький, что ведет не к воротам, а к небольшой калитке в башне. Умная предосторожность, да и чтоб не опускать мост всякий раз по мелочам.

Витерлих поднес к губам короткий, но сильно загнутый рог. Мощный красивый звук, протяжный и торжественный, прорезал воздух. На воротах появились крохотные фигурки. Подъемный мост быстро пошел вниз.

– Ждут? – прокричал я.

Виттерих покачал головой.

– Нет. Просто здесь всегда наготове.

– Ваш дядя с кем-то воюет?

– Традиции, сэра Ричард.

– Кажется, – проговорил я, – начинаю догадываться.

Виттерих вздохнул.

– Тогда вы понимаете, почему я так... ликую.

Тяжелые створки ворот распахнулись медленно и величаво, напоминая о своей значимости. В глубине темного тоннеля привратной башни неспешно и торжественно начала подниматься металлическая решетка. Всадники с грохотом копыт промчались по деревянному мосту, в каменном своде над нашими головами промелькнули острые зубья одной решетки, а через пять шагов – другой.

Витерлих уже не трубил в рог, вторые ворота открыли перед нами, не задавая вопросов. В этом, уже втором, дворе – конюшни, кухни, службы, а главное – донжон, суровый и прекрасный, сложенный из массивных гранитных глыб, возносящийся даже выше сторожевых башен.

Стальные подковы звучно высекали искры из мощного булыжником двора. Рыцари промчались к самому донжону, навстречу сбегались слуги и торопливо перехватывали поводья. Ворота за нами захлопнулись, массивный металлический засов скользнул по смазанному маслом петлям легко, а я продолжал рассматривать передний двор с аккуратно прилепленными к стенам домами челяди и ремесленников, где также кузница, булочная...

На ступенях донжона появился церемониймейстер с длинным жезлом в руке, надменный и величавый. Он смотрел сверху вниз невозмутимо, как могучий дуб на муравьев, наконец мощно стукнул жезлом в мраморную ступень.

– Благородный сэра Витерлих, – провозгласил он громовым голосом, – с друзьями к благородному ландграфу сэру Гримоальду фон Брауншвейгу, графу Вольфенбюттелю, барону Геттинген Гольштейн-Шауэнбургу, виконту Баттенберга и лорду земель долины Виттельсбаха!

Из донжона выбежали строго и торжественно одетые рыцарями молодые парни, моментально встали в две шеренги и отсалютовали нам обнаженными мечами. Солнце красиво вспыхнуло на лезвиях, рассыпая грозные искры, глаза в прорезях забрал блистают весело и мужественно.

Пока мы ждали хозяина, я с торопливым любопытством рассматривал замок, выстроенный с таким строгим изяществом, словно уже после эпохи замков, в то романтическое время, когда эти вот строения возводили для красоты и любования строгой красотой, а не для обороны: мощный, неприступный, со всеми необходимыми атрибутами...

Обычно центральная башня замка не разрастается до размеров дворца, потому в мирное время хозяин и его семья живут в каменном двухэтажном доме, гордо именуемом дворцом или палатой. Правда, дом всегда цокольный, и даже на первый этаж нужно подниматься по длинной каменной лестнице. Здесь же никакого палатного дома, только донжон, массивный и широкий настолько, что в нем могут жить не только хозяин с семьей, но и множество рыцарей.

Из донжона вышел немолодой рыцарь, прямой, как лезвие двуручного меча, такой же бесстрастный, холодный и негибачаемый. Я встретил его твердый взгляд и ответил таким же, прямым, твердым, но исполненным почтения.

Высокий, поджарый, с густыми черными, как смоль, бровями, что резко контрастируют с седыми волосами, усами и короткой бородкой, он на удивление выглядел под стать своему замку. Под легким малиновым полукафтаном, раскрытым на груди, блестит, как мокрая рыба, крупноячеистая кольчуга, брюки заправлены в высокие сапоги, а на широком рыцарском поясе слегка покачивается зловещая мизерикордия.

Ремень сэра Гримоальда в абсолютном соответствии с правилами хорошего тона в обхвате на два дюйма шире талии и застегивается на третью дырочку. И, конечно же, в одной цветовой гамме с рыцарскими сапогами из тонкой кожи, но на грубой подошве, как приличествует человеку, всегда готовому взять в руки меч.

Он остановился в двух шагах от двери, из которой вышел, и замер, выпрямившись, холодный и оскорбительно вежливый. Взгляд его лишь скользнул по сэру Витерлиху, сразу ставшему меньше ростом и потерявшему яркость красок, и снова уперся в меня, строгий и требовательный.

Я поклонился со всей почтительностью.

– Счастлив, – сказал я абсолютно искренне, – что ваш племянник привез меня именно к вам! Впервые вижу замок, построенный по всем законам. Какие дивные контрфорсы! А португаланты? Вы посмотрите на эти португаланты!

Витерлих поморщился, зато взгляд сэра Гримоальда потеплел на сотую долю градуса.

– Вы... – проговорил он ровным голосом, – вы их оцениваете?

– По высшей шкале! – сказал я горячо. – Это же дивно, как они сделаны! Вы замечаете исключительную целесообразность вот тех линий...

Он посмотрел на меня, на португаланты, снова на меня.

– Вообще-то, – заметил он осторожно, – сделано все правильно.

– Золотые слова, – восхитился я. – Когда все правильно, это выглядит прекрасно! А слегеторы? Нет, вы посмотрите, посмотрите на слегеторы!

Он смотрел не на слегеторы, а на меня, а у меня горят глаза от восторга, это я умею, смотрю на эти шедевры фортификации и всячески выражаю восхищение изумительной точностью постройки, где ни одной лишней детали, а это и есть совершенство.

– Приятно встретить знатока старых обычаев, – проговорил наконец он ровным голосом. – Хорошо, сэр Ричард, будьте моим гостем. Вам помогут помыться и принесут одежду, после чего надеюсь увидеть вас за ужином.

Глава 2

Огромную металлическую ванну наполнили горячей водой, на столике рядом разложили щетки, пемзу, мочалки из лыка, два сорта мыла. Две девушки регулярно подливали воду, в то время как третья терла мне спину. Все трое строгие, молчаливые, лишь одна позволила себе чуть улыбнуться, когда выскребывала из моего отощавшего тела грязь, начиная от макушки и заканчивая пятками.

Потом меня вытерли, облачили в новые одежды, у сэра Гримоальда наметанный глаз, подобрали почти по росту, хотя в плечах все же тесновато. Я поблагодарил, вышел во двор, начиная удивляться, куда же девались сэр Витерлих и его рыцари.

Замок в самом деле хорош, я не слишком и лицемерил, когда расхваливал перед хозяином. Ворота поставлены не в стене, как чаще всего, а в надвратных башнях. Надежные, двустворчатые, обитые железом, поджечь с налету не удастся. Кроме запоров и железных засовов еще и поперечная балка из цельного ствола дерева, выдвигается из одной каменной стены и уходит в другую напротив. Такую дверь не вышибить тараном.

Решетка железная, из четырехгранных толстых прутьев, пазы в стенах неширокие, что значит, падает точно, как по маслу. Уверен, висит не на цепях, а на веревках, их легче перерубить, чтобы быстрее преградить дорогу противнику.

Я подошел к окошку и внимательно осматривал подъемный мост на той стороне, за спиной послышался ровный, как звучание метронома, голос:

– Что-то еще увидели интересное, сэр Ричард?

Сэр Гримоальд появился в дверном проеме донжона, прямой и поджарый, одетый с той изысканностью старого аристократа, когда не замечаешь, что и как, остается только общее впечатление облика рыцаря старых времен, когда доблесть с честью в крови, а строгое воспитание сопровождает со дня рождения.

Я повернулся, торопливо отвесил почтительный поклон.

– Интересное? Сэр Гримоальд, я не просто поражен, я... сражен! Я не нахожу слов! Даже здесь, в Ундерлендах, я не видел такого совершенства! А уж в самом королевстве...

Он поинтересовался внешне бесстрастно, но я видел, насколько он польщен:

– А что там?

Я махнул рукой.

– Сплошной упадок нравов отразился и на строительстве. Такого совершенства никто больше не строит. Разврат в камне, вот как бы я назвал архитектуру самого Сен-Мари. И потому я так вот не могу оторвать взгляда от этих дивных форм... Смотрите, везде мосты простые, а у вас с противовесом. Это же замечательно!.. Дает выигрыш в целую минуту, а это может быть решающим моментом... А барбакан? У вас чудо, а не барбакан! Я вообще не видел их в Ундерлендах, не говоря уже про Россано!

И без того прямой, как рыцарское копьё, он стал словно еще выше ростом, лицо просветлело, хотя выражение не изменилось.

– Вы знаете в этом толк, сэр Ричард, – произнес он. – Но стол уже накрывают к обеду.

– Господи, – воскликнул я, – хоть и голоден, как волк, но не могу оторваться от этих красот!.. У вас две португаланты, это же замечательно. А какие чудные амбразуры!.. Узкие и длинные для лучников, продольные для арбалетчиков... Все предусмотрено, это же какое сладкое зрелище для истинного лорда!

Он пробормотал, глядя на меня внимательно:

– Да, для истинного... Пойдемте, сэр Ричард.

– Минутку, – взмолился я голосом, полным восторга, – господа, у вас еще и цвингер!

Неподвижное лицо сэра Гримоальда дрогнуло в улыбке. За высокой внешней стеной идет еще и внутренняя, чуть ниже. Захватчики, кое-как преодолев с огромными потерями внешнюю стену, не в смогут взять с собой громоздкие лестницы. Они окажутся в пустом пространстве между двумя стенами, их легко расстреляют даже не со стены цвингера: в самой стене предусмотрено множество отверстий для лучников и арбалетчиков.

– М-да, – произнес он чуточку настороженно, – м-да, как же без цвингера...

– Никак, – заверил я. – Кто недооценивает его значение, заранее проигрывает! А каков у вас качельный мост!

– Качельный?

– Ну да, – сказал я, – а как он называется у вас? Можно еще назвать качающимся, но это длинновато...

– Качающийся мост, – повторил он с удовольствием. – У нас его называют опрокидывающимся. Но вы правы, «качельный» – звучит лучше. Господи, как же приятно встретить знакомого! Спасибо, сэр Ричард.

– Знаток? – удивился я. – Что вы! Абсолютно нет. Просто я вырос среди таких замков, потому так приятно наконец-то увидеть кусочек моей рыцарской родины, где все еще помнят правила суровой благородной жизни.

Он посмотрел на меня странным взглядом, на лицо набежала легкая тень.

– Вам такое нравится?

– Еще бы! – воскликнул я совершенно искренне. – В таких замках живут люди! Настоящие. А вне их... так, человеки. Вы правы, сэр Гримоальд! Чем меньше замков, тем мир безнравственнее.

Он опомнился, снова стал строгим и бесстрастным, даже голос выглядел ровным, как лед высокогорного катка:

– Вы производите хорошее впечатление, хотя, конечно, само пребывание в компании с моим непутевым племянником способно бросить тень и на достойного человека.

В его суховатом голосе звучал вопрос, я поклонился, помня, что лучше перепоклониться, чем недоклониться, рыцарь должен почтительнейше относиться к старшим.

– Сэр Витерлих, – пояснил я, – первым и единственным примчался на мою казнь, готовый, как я хочу верить, помочь при случае.

Он вскинул брови.

– Помочь? В смысле, подать палачу топор?

– Нет-нет, – заверил я. – Полагаю, он был преисполнен сочувствия, хотя, конечно, зрелище есть зрелище...

– А что за казнь? – переспросил он. – Почему казнь?

– Его Величество, – сказал я, – велел меня сжечь.

Сэр Гримоальд нахмурился.

– Весьма странно. Вы разве не рыцарь?

– Да, разумеется.

– Рыцаря можно только обезглавить, – сказал он безапелляционно. – Особым церемониальным мечом в отличие от топора, которым рубят головы простолюдинам. А сжечь... Это применимо только к ведьмам и еретикам. Правда, в наши безнравственные времена эта нечисть разгуливает свободно.

– У нас личные счеты, – вступился я за короля, – вот он и решил... еще и унижить. Но в последний момент Его Величество Император решил вмешаться и, дав мне титул маркграфа, даровал марку Гандерстейм. Конечно, Его Величество король весьма гневался. Тут ваш племянник и подвел прямо к помосту коня со свободным седлом... Дальше вы знаете. Мы не задержимся у вас, на рассвете нас здесь уже не будет.

Он выпрямился, сказал надменно:

– В этих стенах вам ничего не грозит. Даже императору не выдам человека без решения суда. И то, если его полномочия признаю целиком и полностью.

– Император ко мне отнесся благосклонно, – заверил я.

– Тем более, – сообщил он. – У императора есть чутье на людей, как я слышал не раз. Но с ним нужно быть настороже. Он как возвышает людей, так и уничтожает... легко.

– Политик, – сказал я понимающе. Перехватил строгий взгляд сэра Гримоальда, добавил скорбно: – Там наверняка миновали славные рыцарские времена! И наступило... что наступило.

Он покосился на распахнутые двери донжона.

– Пойдемте, сэр Ричард! Ужин стынет.

– Да-да, – согласился я. – Простите, не мог оторваться. Кстати, у вас прекрасная часовня!

Он шел рядом сухой, подтянутый и жилистый, как богомол. На лице, как у богомола, не отразилось никакого выражения, когда он произнес нейтрально:

– Рад, что вы это заметили.

– Как не заметить, сэр Гримоальд, – ответил я почтительно. – При нынешнем равнодушии к делу, за которое отдал жизнь Христос, при запустении церквей, ваше отношение просто удивительно!

– У нас прекрасная молельная комната, – сообщил он. – Я хотел было выстроить церковь, но отец Дромадерий отсоветовал. Людей немного, а когда церковь пуста, нехорошо. В часовне каждый может помолиться в тишине, в молельной совершают торжественные богослужения.

В зале сэр Гримоальд держался так же бесстрастно и невозмутимо, но я ощутил, что в сердце владельца замка быстро занимаю места больше, чем его племянник.

Слуги с неподвижными лицами, вышколенные настолько, что кажутся деревянными, замерли у стен. Длинный стол накрыт для троих: сэра Гримоальда, Витерлиха и меня. Я держался, копируя хозяина, торопливо постигая его манеру и стараясь угадать общее направление, чтобы мог и опередить, доказывая, что я сам такой, а не обезьяна подражающая.

Когда подали еду, простую, хотя и на серебряных тарелках, я сложил ладони и пробормотал молитву, стараясь, чтобы слова звучали отчетливо, сэр Гримоальд прислушивается, пусть видит, что не прикидываюсь, бормоча тарабарщину. Витерлих кривился, морщился, страдал, видя перед собой на тарелке хорошо прожаренное мясо, а в высоком кубке темно-красное вино, но поглядывал на строгого дядю и страдальчески вздыхал.

Сэр Гримоальд проговорил четким голосом:

– Сэр Ричард, я вижу, воспитание у вас надлежащее.

– Сэр, – возразил я шокированно, – вы мне льстите! Всего лишь элементарные манеры!

Он вздохнул, бросил короткий взгляд на племянника. Витерлих опустил взгляд и неумело резал мясо мелкими дольками.

Сэр Гримоальд спросил ровно:

– Я слышал, вы привели в королевство большую армию?

Я благочестиво перекрестился.

– Крестоносную, благородный сэр Гримоальд.

Витерлих поднял голову и слушал, сэр Гримоальд уточнил:

– Что это означает в вашей трактовке?

– Несем веру Христа, – сказал я твердо. – Ведет нас церковь, мы всего лишь проводники воли Господа. Везде восстанавливаем церкви и возрождаем старинные рыцарские обычаи.

– Старинные? – переспросил он.

Я кивнул.

– Для королевства. Для нас, брабантцев, понятия долга, верности и чести неотделимы от быта. Нас так воспитывают с колыбели. Но в королевстве это забыто.

Сэр Витерлих, тихий, как мышь, поглядывал опасливо то на меня, то на дядю. Сэр Гримоальд хирургически точно отрезал одинаковые ломтики мяса, но я не Витерлих, быстро схватил нужную манеру и даже понял значение салфетки, поданной слугой, в то время как сэр Витерлих беспечно вытер масляные руки о скатерть.

Слуги меняли блюда исключительно точно, как раз в момент, когда кто-то клал на тарелку нож и ложку. Все двигались настолько выверенно, что я мог бы заподозрить либо механизмы, либо единый организм, как у муравьев, где один разум и чувства на всех.

Появился дворецкий, прямой и неподвижнолицый, словно истукан. Приблизился к хозяину, я видел, как быстро переломился в поясе, губы шевельнулись, но я не услышал ни слова. Сэр Гримоальд кивнул, дворецкий тут же удалился, а сэр Гримоальд через пару минут поднялся, сухой и ровный.

– Очень сожалею, – произнес он бесстрастно, – обстоятельства заставляют меня покинуть на время ужин. Но вы продолжайте! Сэр Ричард, я рассчитываю, вам будет оказано все возможное почтение, которое, без всякого сомнения, заслуживаете.

Витерлих проводил его ошалелым взглядом. За сэром Гримоальдом захлопнулась дверь, Витерлих сказал жарким шепотом:

– Как вы... сумели?

Я пожал плечами.

– А что случилось?

Он продолжил тем же шепотом:

– Теперь скажу правду, я все время ожидал, что нас выставят! Он живет нелюдимом, гости не задерживаются. В последние годы вообще никто не заезжал. Нрав у него жуткий.

– Разве? – спросил я с удивлением. – А мне показался очень милым и гостеприимным. Другое важнее, кто его оторвал так внезапно от ужина? Это не в характере сэра Гримоальда.

Витерлих спросил изумленно:

– Ты уже и характер его понял?

– Великолепный характер, – сказал я громко и покосился на стены. – Настоящий рыцарь!

– Сэр Ричард, – воскликнул он в ужасе.

– Старой закалки, – заметил я одобрительно. – Теперь таких людей уже почти нет.

– Господи! – сказал он. – Как вы можете...

Он смотрел почти с испугом, я же помнил старое правило: будь политкорректен, обсуждая что-либо в мужском туалете. Никогда нельзя знать, кто выйдет из соседней кабинки. Или кто нас подслушивает через тайные отверстия в стене замка.

– Возможно, – сказал я отчетливо, – вы правы, сэр Витерлих. Но на меня сэр Гримоальд произвел удивительно хорошее впечатление. Я не стану о нем судить плохо, пока сам не разберусь, что он за человек. Хорошо?

Он кисло поморщился.

– Да это и так всем ясно...

– Я не все, – ответил я. – И вообще... все мы – не все. Каждый из нас – что-то. Или даже кто-то.

– К счастью, – пробормотал он тихонько и перекрестился. – Вам налить вина, сэр маркграф?

Я кисло поморщился.

– Перестаньте.

– А что, – сказал он, – я не уроню достоинства, прислуживая за удостоенным титула маркграфа! С ума сойти. Я еще ни разу маркграфа не видел. Вообще в королевстве вы первый.

Я поморщился снова. Как со временем меняется значение слова... Маркграфства ввел, если не ошибаюсь, Карл Великий. После отступления ледников Европа была сперва сплошным болотом, что о-о-о-очень медленно подсыхало, зарастая лесами. И тогда же туда из южных

стран пришли первые люди и поселились по островкам суши среди бескрайних болот. Marsch, то есть болота, были границей пригодной для обитания земли. Потому земли, заканчивающиеся болотами, назывались марками, а их владельцы – маркграфами. А теперь вот и здесь, где даже не знают, что такое болота, маркграфство... Интересно, с чем же граничит моя марка?

Блюда следовали в порядке, который я уже мог предсказать. Когда пришло время десерта, я чувствовал, что подадут сдобные пироги, мед и отвар из груш. Когда именно так все и случилось, я ощутил себя чуть увереннее.

Витерлих лишь поковырялся в своем пироге, дождался меня, я ел с жадностью, восполняя потери веса, но тщательно соблюдал правила и сдерживал себя, в отличие от раскованного сэра Витерлиха: стены имеют не только уши, но и глаза.

Церемониймейстер появился в дверном проеме в момент, когда мы встали из-за стола, широким жестом пригласил обоих следовать за ним. В малом зале, куда привел, массивный камин с красными углями, от них веет сухим жаром, массивные шкафы вдоль стен, на одной – широкий ковер с набором мечей, топоров и кинжалов, на других гобелены, выполненные в строгой манере. Битвы и сцены охоты, никаких слащавых куртуазных сцен, фигуры мужчин исполнены доблести и мужества, женщин – кротости.

Распахнулась дверь, на пороге появился сэр Гримоальд, еще более сдержанный, прямой и строгий. Холодный и безукоризненно учтивый, каким может быть только хозяин, что не боится быть принятым за дворецкого, он произнес ровным, как поверхность замерзшего высокогорного озера, голосом:

– К нам еще один гость.

Витерлих воскликнул:

– В один день?..

– И что? – спросил я тихонько.

Витерлих охнул:

– Такого здесь не бывало лет сто!

Сэр Гримоальд даже не поморщился, на племяннике явно давно поставлен крест, обратил холодный взгляд на меня.

– Сэр Ричард, гость настаивает на встрече с вами.

Я деревянно поклонился и ответил, двигая только губами:

– Все здесь делается только с вашего позволения, благородный сэр Гримоальд.

Он кивнул.

– Прекрасно. Гость в моем кабинете. Следуйте за мной.

Витерлих заколебался, но пошел с нами. Любопытство пересилило страх перед дядей, я слышал за спиной его возбужденное сопение, а мы с сэром Гримоальдом шли плечо в плечо, потому что «следуйте за мной» то же самое, что и «следуйте со мной».

У двери его кабинета всего один воин, рослый и молодцеватый, в легких хорошо продуваемых кожаных доспехах и с копьем в мускулистой руке.

Отступив на шаг, сэр Гримоальд сам отворил дверь и пропустил меня вперед. Я поклонился, показывая, что оценил жест, перешагнул порог. Человек сидит за столом спиной ко мне, но, заслышав шаги, поднялся и повернулся к нам лицом.

Глава 3

Ненависть полыхнула во мне жарким пламенем, словно огонь охватил стог сухого сена: на меня спокойно и бесстрастно смотрит Арнульф.

– Сволочь, – прохрипел я, – и дурак!..

Моя рука метнулась к мечу, но пальцы не нашли даже ножен. Сэр Витерлих обеспокоенно придержал меня за локоть.

Арнульф сказал мрачно:

– Я могу вам дать свой, сэр Ричард. Но сперва послушайте.

– Да что ты скажешь... – проговорил я, лязгая зубами, – палач...

Меня затрясло, яростная волна ударила в голову. Глаза начало застилать красной пеленой. Я сжимал и разжимал кулаки, стараясь удержаться, но чувствовал, что звериная ярость берет верх.

За спиной раздался голос сэра Гримоальда:

– Сэр Ричард, прошу вас, давайте послушаем сэра Арнульфа.

Я резко повернулся к нему. Сэр Гримоальд покачивал головой с неммым неодобрением.

– Это та самая сволочь, – произнес я хриплым от ненависти голосом, – что истязала меня!

Арнульф сказал почти равнодушно:

– Я всего лишь выполнял приказы Его Величества.

– Врешь, – воскликнул я люто. – Пытал с удовольствием! Сладострастно. Тебе это нравилось, сволочь.

Он пожал плечами.

– Может быть. Но вы не станете спорить, что вам не повредили ничего важного. Кроме того, я знал о вашей способности заживлять раны.

– Врешь!

– Знал, – повторил он, – но помалкивал.

– Врешь, – крикнул я.

– Ваше дело верить или не верить, – ответил он, – но это правда.

– Король не знал, – крикнул я, – а ты знал?

– Да.

– От кого? – потребовал я. – Говори, если не врешь.

Он прямо посмотрел мне в глаза.

– От того, кто поспешил замолвить за вас слово перед императором. Тот человек попросил меня пытать вас красочно, чтобы Его Величество был доволен и ничего не заподозрил, но чтоб вы не остались калекой. Когда я сказал, что такое вряд ли возможно, мне сказали под большим секретом, что вы можете заживлять свои раны... но в каком диапазоне, неизвестно. Я, честно говоря, был в трудном положении, чтобы все было и естественно и не переборщить.

– Перед императором? – переспросил я. – Кто... Был этот человек... женщина?

Он опустил взгляд.

– Это вы сказали, сэр маркграф. Не я.

Я сказал зло:

– Ладно, понимаю, кто эта женщина.

Сэр Гримоальд произнес наконец с явным облегчением:

– Может быть, присядем? Должен заметить, сэр Арнульф, сэр Ричард не может не питать к вам ненависти или хотя бы вражды. Это естественно, судя по тому, что я услышал. А вы, сэр Арнульф, все же чувствуете некоторую вину... но сейчас давайте поговорим о деле.

Мы втроем сели, сэр Гримоальд только сейчас обратил внимание на замершего в дверях племянника. Брови его грозно сдвинулись на переносице.

– А тебе чего? Иди пьянствуй.

Я сказал торопливо:

– Сэр Гримоальд, можно мне замолвить словечко за сэра Витерлиха? Он почти не пил в замке герцога, во всяком случае, не больше других! К тому же он единственный, кто сразу же пришел ко мне на помощь.

Сэр Гримоальд сказал, поморщившись:

– Это больше говорит о недостатке у него ума и его безрассудности. Впрочем, вы гость, я склонен удовлетворить вашу просьбу. Сэр Витерлих, вы можете присутствовать.

Витерлих бросил в мою сторону взгляд, полный горячей благодарности.

– Спасибо, дядя.

Он торопливо сел от нас подальше и постарался выглядеть меньше мыши и тише тени. Арнульф почтительно выждал, пока сядет хозяин, я тоже ждал, сэр Гримоальд степенно опустился в кресло, лицо суровое, взгляд острый, положил руки на широкие подлокотники и приготовился слушать.

Я посмотрел на Арнульфа злыми глазами.

– Ради чего вы явились?

Он ответил негромко:

– Дело чрезвычайной важности.

– Еще бы, – сказал я с едким сарказмом, – вы знали, как я вас встречу.

Он кивнул.

– Честно говоря, ожидал более бурное... гм... но вы умеете себя держать в руках.

Сэр Гримоальд сказал одобрительно:

– Сэр Ричард получил прекрасное воспитание в духе старых рыцарских традиций.

– Итак? – потребовал я.

Сэр Арнульф развел руками.

– Как вы догадываетесь, мне лично от вас ничего не нужно. Однако силы, что стоят за нами, заинтересовались вами.

– Польщен, – ответил я настороженно. – Как догадываюсь, не стоит и спрашивать, что это за силы?

Он наклонил голову.

– Вы абсолютно правы.

– Тогда и я буду отвечать, – заявил я, – соответственно. Вы понимаете, как.

Он снова наклонил голову.

– Понимаю. Но это лучше, чем ничего.

– Конечно, – согласился я. – А затем ваши умные аналитики составят из моих ответов мозаику, уберут противоречащие друг другу моменты, поправят то, что соврал, дополнят то, о чем умолчал, и картинка станет правдивой. Неважно, врал я или нет.

Он посмотрел на меня с явным уважением.

– Я начинаю менять свое мнение о вас, сэр Ричард.

– Спрашивайте, – сказал я.

Сэр Гримоальд долгое время пробовал следить за быстрыми вопросами своего странного гостя и моими такими же быстрыми ответами, но быстро потерял нить, а сэр Витерлих сразу же выпучил глаза, не понимая, при чем тут стоимость овечьих шкур, размер стремян для тяжелой конницы, отношение к хищным птицам или какой цвет мне больше нравится.

Наконец Арнульф то ли устал, то ли набрал нужное количество ответов, вытер пот со лба и пробормотал:

– У вас хорошая память, сэр Ричард.

– Как и у вас, сэр Арнульф, – ответил я. – Думаю, если начну задавать вам такие же вопросы, узнаю больше.

Он скупой улыбнулся.

– Я отвечать не стану.

Сэр Гримоальд кашлянул, мы повернулись к нему. Он проговорил осторожно:

– У вас какой-то тайный язык?

Арнульф сказал вымученно:

– Сэр Ричард показал, чего я никак не ожидал, что может сражаться и на этом уровне.

– И как? – поинтересовался сэр Гримоальд.

– Более чем успешно, – признался Арнульф. – Боюсь, что сэр Ричард по моим вопросам узнал больше, чем я из его ответов.

Губы сэра Гримоальда отобразили подобие довольной улыбки, а Виттерих украдкой показал мне большой палец.

Я сказал напористо:

– Итак, ваши вопросы получили адекватные ответы. Может быть, хоть теперь вы готовы сказать, что вам все-таки от меня нужно?

Сэр Гримоальд и Виттерих смотрели с великим ожиданием, однако Арнульф лишь развел руками.

– Не уполномочен.

– Тогда почему... – начал я сердито.

Он сказал торопливо:

– Подробности я смогу приоткрыть, когда придет еще один человек.

Сэр Гримоальд вскинул брови, а сэр Виттерих вскричал ликующе:

– У моего дяди третий гость за сутки? С ума сойти!

Сэр Гримоальд посмотрел на него ничего не выражающим взглядом, Виттерих сразу же затих и сгорбился, как мышь над крупной.

Сэр Гримоальд спросил непонимающе:

– Если вы из одного места, почему не прибыли вместе?

Арнульф виновато развел руками.

– Мне было проще. Я занимаюсь охраной Его Величества и обязан следить за его врагами, противниками и даже опасными друзьями. Скажем прямо, я со своими людьми сопровождал отряд сэра Виттериха. Они и сейчас рассыпаны вокруг вашего замка. Должен признать, весьма впечатляющего.

Я спросил в лоб:

– Ваша работа, как и у вашего... напарника, только прикрытие?

Он прямо посмотрел мне в глаза и покачал горловой.

– Понимаю ваши чувства, сэр Ричард. И очень хотелось бы ответить вам именно так, сэр Ричард.

– Но не можете?

– Нет.

– Почему?

Он ответил так же просто, глядя мне в лицо:

– Я хорошо охраняю священную особу Его королевского Величества и всегда вовремя пресекаю попытки врагов сотворить ему зло.

– Спасибо за откровенность, – пробормотал я.

Виттерих торопливо поднялся.

– Я пойду на стену, – заявил он. – Или сразу на ворота! Будет великое чудо, если гость в самом деле придет. Я такое хочу видеть с самого начала. И сам приведу сюда.

Сэр Гримоальд милостиво наклонил голову. Взгляд его говорил, что хоть чем-то племянник будет полезен, хотя это могли бы сделать и слуги.

По незримому мне знаку вошел хмурый молчаливый слуга, расставил на столе три строго иерархизированных кубка: один высокий и два пониже, однако с одинаковой емкостью и даже с одинаковым числом рубинов в основании. Так же молча наполнил вином и удалился, оставив нам кувшин.

– Сэр Ричард, – сказал Арнульф, нарушив тяжелое молчание, – можно узнать ваши планы?

Я пожал плечами.

– Конечно, можно.

Он подождал, но я помалкивал, наконец он сообразил, что я уже ответил, задал другой вопрос:

– Итак какие у вас планы?

– Дождаться третьего гостя.

Он поморщился.

– Я не о такой мелочи. Как вообще... ну, войско, захват королевства...

– Я отвечу, – сказал я, – но вы же понимаете, что это не тот ответ, которому можно верить. Скажем, я просто беру землю, потому что сейчас в эпоху такого кризиса лучше вкладываться в недвижимость, она недооценена, стоимость ее еще будет расти.

Он покачал головой.

– Никогда не ломайте забор, – сказал он, – не узнав, зачем его поставили. Вы же проделали в заборе огромную дыру. Я имею в виду ваш тоннель.

– Контроль полный, – заверил я. – Его можно обрушить в любой момент. К примеру, когда в него вступит императорская армия. Как я понимаю, король хочет, чтобы его информировали честно, беспристрастно, правдиво и в полном соответствии с его взглядами? Так и можете передать.

Он буркнул:

– Пока что сила на вашей стороне. Но здесь пока еще не высадились императорские войска...

– Для меня не важно, – отпарировал я, – на чьей стороне сила; важно то, на чьей стороне право.

– Право, – сказал он и поморщился, – законы... мораль... церковные запреты... Христос умер, но кого он своей смертью спас?

Я возразил:

– Христос умер не для того, чтобы спасти людей, а для того, чтобы научить их спасать друг друга. Но это сложная тема, не стоит в нее углубляться. Это дипломатия занимается проблемами выживания в будущем столетии, а политики смотрят, как дожить до пятницы. Давайте доживем...

Дверь распахнулась, вбежал молодой слуга. Лицо такое же ошалелое, какое было у Витерлиха, но спохватился, одеревенел и доложил громко:

– Ваша светлость, к вам гость!..

Сэр Гримоальд осведомился:

– А... мой племянник?

– Сопровождает гостя!

Граф кивнул.

– Пусть войдут.

В коридоре послышались шаги, появился улыбающийся Витерлих. С ним быстро шел невысокий человек с закрытым маской лицом. Сердце мое застучало чаще, ноздри издали уловили аромат знакомых духов.

Сэр Гримоальд поднялся, прямой и строгий. Голос его прозвучал так же ровно, словно это он сам был у себя дворецким:

– Прошу вас за стол, незнакомец. Маску можете не снимать.

Гость ответил щебечущим женским голосом:

– Бесплезно! Мой милый друг сэра Ричард меня узнал сразу!..

Одним движением она сняла маску, на меня взглянули смеющиеся глаза раздумывавшейся от бурной скачки леди Бабетты. Голубой полукафтан красиво облегал ее тонкий стан, поддерживая пышную грудь и поднимая ее еще выше. Я невольно задержал взгляд на выглядывающих полушариях чуть дольше, чем нужно, что Бабетта моментально заметила.

Едва уловимая улыбка тронула ее полные красиво вылепленные губы.

– Дорогой сэра Гримоальд, – произнесла она с чувством, – как хорошо, что вы есть на свете! Да еще здесь, в Ундерлендах. Потому что сэра Ричард, как истинный рыцарь без страха и упрека, мог найти приют только у вас, такого же истинного рыцаря!

Сэра Гримоальд поклонился, лицо оставалось неподвижным, но я видел, что старый лорд польщен.

– Счастлив видеть вас, леди...

– Бабетта, – подсказала она быстро. – Сэра Гримоальд, вы не будете против, если ваш галантный племянник... такой очаровательный кавалер!.. лично проследит, чтобы мне подготовили комнату, ванну с горячей водой и одежду?

Витерлих вскочил, в глазах восторг.

– Располагайте мною, леди!

Сэра Гримоальд кивнул ему, ошарашенный барон выскочил за двери. Бабетта проводила его взглядом и сказала уже деловито:

– Нет-нет, любезный сэра Гримоальд, как только переговорим, я уеду. Племяннику скажете... что-нибудь. Обстоятельства изменились, и все такое. Времени у нас мало, давайте перейдем сразу к делу... Это кубок с вином для меня? Спасибо, у меня пересохло горло от быстрой скачки... Итак, у нас серьезная проблема. Сэра Ричард, вы нарушили сложившийся за столетия уклад в королевстве. До императора дошли слухи о вашем вторжении, он собирался принять меры... даже не хочу говорить, какие. Но еще раньше к нему попала информация о некоем рыцаре, которого благодарные горожане Тараскона избрали бургграфом, что его заинтересовало тоже. Почему, честно говоря, я не поняла.

Я кивнул.

– Зато я понял. И, кажется, понял императора. Продолжайте, леди Бабетта.

Она сказала с неудовольствием:

– Ну вот, всегда вы такой... ладно, как только вас схватили, мы передали нужные сведения в императорский дворец. Император изволил заинтересоваться ими среди прочих дел и, как видите, принял очень оригинальное решение.

Я поморщился.

– Его Императорское Величество, должен признать, очень умелый политик. Честно говоря, я впечатлен.

Леди Бабетта сказала деловито:

– Сэра Арнульф, прошу вас довести до сведения Его Императорского Величества мнение сэра Ричарда.

Тот взглянул на меня коротко.

– Да, леди Бабетта. Сэра Ричард искренне восторгается талантом Его Императорского Величества видеть людей и умело подбирать их на нужные места в империи. Так?

Он отвечал Бабетте, но вопрос был обращен явно ко мне. Я промолчал, Бабетта кивнула.

– Да-да, это почти дословно. Итак, сэра Ричард, каковы ваши планы?

Я оглядел их медленно, сэра Гримоальд не двигается, чувствуя себя свидетелем опасной дуэли, для которой он предоставил место, Бабетта и Арнульф выглядят спокойными и смотрят в ожидании, но я чувствую их напряжение.

– Мои планы, – произнес я, – сейчас не могут оставаться прежними... Я принял марку Гандерсгейм, кстати, где она?.. а это значит, признал себя вассалом императора. Кроме того, теперь изменились отношения с королем Кейданом. В таком сложном положении я еще никогда не бывал. Давайте разберемся... или хотя бы разберем. Я отныне маркграф, но Кейдан – король всего Сен-Мари, таким образом, он в реальности и мой сюзерен. Так?

Она мило улыбнулась.

– И над этим, сэра Ричард, вы так долго думали?

– Милая Бабетта, – сказал я обвиняюще, – такое женщине понять трудно. Я вообще не привык подчиняться, а тут надо покориться человеку, который мечтает казнить меня как можно быстрее!

Гримоальд кашлянул. Мы воззрились на него.

– Простите, – сказал он, – но вы, как маркграф, тоже обладаете кое-какими правами.

– Напомните, – сказал я ворчливо.

– Вы обязаны платить со своей марки налоги, – сказал он и загнул палец. – Кроме того, выставлять определенное число воинов... если хотите, перечислю...

– Не надо, – сказал я поспешно. – Что еще?

– Вы обязаны... держать земли в порядке, искоренять разбойников, способствовать расцвету ремесел и торговли...

Бабетта сказала живо:

– То есть вы не обязаны выполнять капризы Его Величества. И даже являться по его зову. Вы обязаны сотрудничать с ним, как младший со старшим.

Я скривился, Арнульф взглянул на меня в упор холодными глазами. Жуткий багровый шрам через все лицо налился кровью и побагровел.

– Не скулите, сэра Ричард. Императоры не любят, когда кто-то где-то пробует перекраивать границы. Для них важнее всего мир и спокойствие в империи. Потому император предпочитает и короля Кейдана сохранить на троне, и вам, как умелому хозяйственнику, найти работу.

– Хозяйственнику?

– Ну да, он вас дважды назвал бургграфом! И отметил, что для империи очень важны люди, пользующиеся поддержкой местного населения. Это залог стабильности.

Бабетта мило улыбалась. Я смерил ее хмурым взглядом.

– Вы хотите сказать, что действовали в моих интересах?

– А как иначе? – удивилась она.

– А не в интересах императора? – спросил я. – Мне пришлось принять титул маркграфа, что вообще-то меньше майордома, а еще мне пришлось признать Кейдана своим сюзереном! Да-да, фактически признать, что все-таки это его королевство.

Она в ответ педантично начала загибать пальцы.

– Майордом вы... самозахватом, никто вас им не признал, а маркграф – это легитимность! Это признано и узаконено. Вы получите на руки соответствующий указ, регалии и корону маркграфа. Это распоряжение императора будет оглашено по всему королевству. Так что ваше разбойное войско может вас по-прежнему называть майордомом, как и те варвары, которых вы отбросили в их стойбища... но вы же понимаете, что признание других могущественных держав стоит дороже?

Я буркнул:

– Каких это других?

Она очаровательно улыбнулась.

– Разве не достаточно признания со стороны императора Германа Третьего? Власть его распространяется на десятки таких королевств. Никто из них вас не признает майордомом. Да

и вообще... что такое майордом? Это временное лицо. Согласна, с очень большими полномочиями, но – временное. А вот маркграф...

Я пожал плечами.

– Маркграф – это всего лишь пограничный граф. Граф, у которого земли на границе.

Она расхохоталась.

– Ричард, вы невыносимы!.. Внутри королевства множество графств, но пограничные земли всегда отдают самому могущественному, способному их защитить! И земли у него всегда самые обширные. Такой граф не уступает герцогу.

Сэр Гримоальд деликатно кашлянул.

– Осмелюсь напомнить, – сказал он с великим чувством достоинства. – На своих территориях маркграфы обладают властью герцога за единственным исключением: во время военных походов маркграфы следуют за герцогским знаменем.

Бабетта сказала торжествующе:

– Вот видите!

Я мотнул головой.

– Полагаете, – спросил я раздраженно, – мне так важно, кто за кем следует? Ничуть. Император мне так уж доверяет. Он просто вовремя набросил лассо на хорошего мустанга. Вы это очень хорошо устроили! Настолько хорошо, что не вы ли заманили в Ундерленды и сдали Кейдану, чтобы в последний момент спасти и сделать слугой императора? Правда, на мне где сядешь, так и слезешь... Хотя да, какое-то время покататься сможете. Я своего слова не нарушу. Как бы то ни было, я – рыцарь.

Бабетта продолжала улыбаться лучезарно, Арнульф хмыкнул.

– Император и не ждет от вас особой благодарности, – пробурчал он. – Он вообще ни от кого не ждет и никому не верит. Но он понимает, что на какое-то время здесь воцарится мир. На какое-то время – уже хорошо.

– Отсроченная война, – согласился я, – хорошо.

– Отсроченная может и не начаться, – уточнила Бабетта.

Глава 4

Я кивнул, быстро соображая, что своим решением император умело убил двух зайцев. И показал свое неудовольствие Кейдану, потерявшему контроль над королевством, и намекнул, что в интересах императора поддерживать лидера, который может держать в кулаке захваченные земли. А это я показал, силой выдворив варваров.

Кроме того, император разом остановил войну, потому что и Кейдан, и я теперь на одной стороне, а подданные империи не должны воевать друг с другом. Надеюсь, у Кейдана хватит ума не лезть в мою марку с атрибутами своей власти. Если уж Бранант держится, отстаивая свою независимость, если Ундерленд постоянно подчеркивает свои особые привилегии, то теперь появится еще одна полунезависимая территория на карте Орифламме...

– Где эта марка? – спросил я. – Раз это марка, а не просто земля, то с кем она граничит, кроме моря?

Арнульф посмотрел на меня с недоброй улыбкой.

– Вы же такой прозорливый...

Я подумал, спросил:

– С варварами?

Он спросил иронически:

– Трудно было догадаться?

– Хорошо, – сказал я, – граничу с варварами. С другой стороны Великий Хребет, с третьей – океан. А где заканчивается марка? Что-то я о ней вообще не слышал. Наверное, такое громадное, что можно прикрыть моим плащом? А то и шляпой?

Арнульф посмотрел мне в глаза и сказал медленно, явно наслаждаясь эффектом:

– Уж поверьте. Это громадная марка...

Я повторил угрюмо, игра в загадки не нравится, когда в одни ворота:

– Так где она?

– Она, – сказал Арнульф со вкусом, – вся под варварами... сэръ маркграф. Фактически вся. Разве что самая крохотная полоска возле Брананта еще ими не захвачена. Но... контролируется. Так что ваша земля является вашей только на бумаге.

Они ожидали взрыва или какой-то бурной реакции с моей стороны, криков, что подло обманули, надули, ничего не дали, но что в имени тебе моем, шкура уцелела, это главное.

– Что ж... – сказал я почти равнодушно. – Зато маркграф. Возможно, и обо мне споют...

Гримоальд переспросил:

– Споют? Почему споют?

Я отмахнулся.

– Да это так, вспомнил одного... Маркграфа Бретонской марки. Красиво погиб, прикрывая отступление великой армии императора Карла. О нем сложили героическую поэму, называется «Песнь о Роланде».

Арнульф проговорил с затаенной усмешкой:

– Вы рыцарь, сэръ Ричард. Для вас стать героем песни должно стать главным аргументом принять как маркграфство, так и все, что с ним связано.

– Да, – пробормотал я, – главное – красиво умереть. Но я по своему невероятному великодушию постоянно предоставляю эту честь своим противникам. Просто сам поражаюсь своей доброте!

Я осушил кубок и налил себе еще, быстро соображая, что делать дальше. Император ничего не терял, предлагая мне это маркграфство. Во-первых, давно подмято варварами и последние сто или больше лет существует только на бумаге. Во-вторых, император сделал хороший ход, давая мне шанс легализовать хотя бы часть захваченного в Сен-Мари. Я не знаю воз-

можностей императора здесь, по эту сторону океана, но, боюсь, он все-таки в состоянии, если его сильно обидеть, прислать на кораблях имперские войска. Сейчас к Сен-Мари у императора чисто теоретический интерес, это небольшая по масштабам империи полоска земли, которую, увы, не расширить из-за непреодолимого Великого Хребта.

Про тоннель, мелькнула мысль, император еще не знает... надеюсь. Надо через отца Дитриха передать, чтобы продолжали укреплять всеми силами. Надеюсь, сработает и моя угроза насчет обрушения, если что пойдет не по моей воле. Кстати, могут попробовать меня купить, уговорить, что-то предложить взамен...

Я сказал угрюмо:

– Честно говоря, мне очень не нравится эта внезапная зависимость. Пусть я с точки зрения легитимников всего лишь вожак громадной разбойничьей шайки, захватившей целое королевство, но зато был вольным! Даже королю Барбароссе подчинен чисто формально, об этом знает и он, и все в Армландии. Но сейчас...

Арнульф сказал спокойно:

– Думаю, вы знаете, что даже короли, тем более – императоры, не свободны.

Бабетта посмотрела на меня смеющимися глазами.

– Как говорит сэр Ричард, свободнее всех простолюдины.

– Совершенно верно, – подтвердил Арнульф, а я ошарашенно попытался вспомнить, когда же я такое ей говорил, – а сейчас вот вы, сэр Ричард, ощутите на себе, что вы – часть общества. Более того – часть империи! Лучше быть малой частью империи, чем большой – разбойничьей шайки. Вы сможете понять величие имперской идеи, имперской власти, имперских целей!..

Он выпрямился на стуле, лицо грозно сияет, глаза сверкнули мрачно, как звезды на темном небе. Вся фигура задышала величием и страстью.

– Гм, – сказал я, – возможно, возможно. Но сейчас я пока не готов. В смысле, не готов проникнуться величием.

– Вы дорастете, сэр Ричард, – пообещал Арнульф, он смерил взглядом мою фигуру и поспешно уточнил: – Я говорю о духовном росте.

Я пробормотал в показном недоумении:

– Что, и здесь священники?

Арнульф покачал головой.

– У нас величие церкви умело заменили величием империи. Всякий житель должен стремиться быть достойным империи! У имперских собственная гордость и свой путь к духовному обновлению.

– Для меня это пока сложно, – ответил я смиренно. – Можно, я как-нибудь потом проникнусь величием? Сейчас я все еще чувствую на себе ваши щипцы.

Арнульф дернулся, по лицу пробежала тень, я отметил это со злорадством, еще не раз напомним это гаду, раз уж не могу удушить на месте.

– Все зажило, – возразил он тусклым голосом.

Холод возник в моих внутренностях и не пожелал раствориться, сколько я ни уверял мысленно, что все кончилось, подвала того нет, а я среди друзей за столом.

– Правда? – переспросил я. – Думаю, не все.

– А где раны? – спросил он, не глядя мне в глаза. – У нас есть лекари. Можно тайно...

– В памяти, – отрезал я. – Несмотря на мою тупую натуру, неспособную на тонкие порывы, я все-таки прочувствовал ваши методы.

Он морщился, кривился, но от правды уйти некуда, да и не один я бросаю ему такое в лицо, ответил ровно и буднично:

– Кто-то должен это делать. Признайтесь, такая работа при любом строе нужна и востребована. Но лишь тот, кто верит в святость имперской идеи, может делать ее и не пачкаться.

Я заметил язвительно:

– Не пачкаться?

Он ответил холодно:

– Делать, как работу по добыванию нужных сведений, а не потому, что нравится получать от этого удовольствие. Поверьте, иные срывались... и начинали пытаться для собственного наслаждения, упиваясь правом причинять другому страдания. Уверю вас, таких немедленно убирают.

– Понятно, – сказал я. – Ничего личного, как любят прибавлять. Всего лишь работа. Отвечает тот, кто велел ее делать. Но почему-то этот аргумент не спасает от веревки... Так что мой совет и предостережение, несмотря на этот наш мирный разговор, все-таки постарайтесь не попадаться мне на пути.

Бабетта переводила взгляд с одного на другого, на губах бледная улыбка, но в глазах понимание, что мужчинам нужно сказать друг другу все, пусть не останется непроясненных вопросов. Сэр Гримоальд тоже молчит, даже мясо режет совершенно бесшумно, ни разу не звякнув ножом по дну тарелки. Вернувшийся Витерлих вообще держится тихий, как мышь, окончательно протрезвел, даже не решается самостоятельно тянуться к кувшину с вином, а подсказывает умоляющим взглядом слугам: налейте же, свиньи, чего застыли?

– Что насчет налогов? – спросил я Бабетту, но больше обращался, как они оба поняли, к Арнульффу. – Какие, сколько, какой процент остается у местной власти, какой идет центру? Какой процент у нас целевых, а какой свободных?

Они переглянулись, Арнульф посмотрел на меня очень внимательно и сказал с уважением:

– Чувствуется, вы знаете в этом толк.

Я поморщился.

– Да кто этого не знает!

Он покачал головой, не сводя с меня угрюмого взгляда.

– Все знают только, что налоги существуют. Про распределение никто и не слышал. Налог собирается и отправляется суверену. А что за... целевые?

Я сказал раздраженно:

– В нашем королевстве каждый губер... лорд собирает налог, сумма записывается, две трети идет королю, треть остается у местного лорда. Причем, эта треть разделяется на неравные доли. Одна должна быть истрачена в обязательном порядке на восстановление дорог, мостов, строительство школ и монастырей, а остальное – на усмотрение местных властей, лорд сверху за всем не усмотрит.

Уже и сэр Гримоальд вытаращил глаза, Арнульф и Бабетта вообще затаили дыхание. Наконец Бабетта проворковала очарованно:

– То-то вы сразу показались мне человеком очень непростым, если вы из такого просвещенного королевства! Подумать только, на Севере... Император будет очень заинтересован.

Арнульф глубоко вздохнул, глаза мрачно блеснули.

– Увы, у нас не так. Все королевства империи просто выплачивают императору определенный налог. И все. Сколько собрали на местах и куда потратили... никто в столице не знает.

Я спросил ядовито:

– А шпионы?

Арнульф нахмурился.

– Шпионы могут только доложить, что такое-то королевство слабеет, а такое-то усиливается. Да и то эти сведения обычно запаздывают. Все стремятся к независимости, идиоты, а первый шаг к ней – обезопасить себя от ушей и глаз императора.

– А здесь?

Он раздраженно дернул щекой.

– Кейдан слаб, вы сразу поняли. Потому, играя на его слабостях и тщеславии, мы и заняли позиции при дворе.

– Ладно, – сказал я деловито, – насколько я понимаю, налог в пользу империи исчезающе мал. Иначе бы о нем мне сказали сразу еще в Геннегау. Так?

Они переглянулись, Бабетта задержала взгляд на Арнульфе. Похоже, она дает возможность говорить больше ему, чтобы тот наладил какие-то мосты со мной. Арнульф понимает, что прямая лесть не поможет с таким жуком, как я, потому говорит только по делу, коротко и ясно. Ничего, кроме прямых ответов на прямые вопросы, только так не вызовет волну раздражения, так как сейчас меня в нем должно раздражать все.

– Вы правы, сэр Ричард, – ответил он с солдатской прямоотой. – И вы догадываетесь, почему.

Я скривил рот в усмешке.

– Когда какая-то местность подвергается стихийным бедствиям, ну, там, катастрофическому цунами, нашествию саранчи, пострадала в войне... словом, центр освобождает на какие-то годы от налогов, а то и сам снабжает деньгами, материалами и даже продуктами. Если учесть, что это королевство по эту сторону необъятного океана...

Бабетта снова перевела взгляд на Арнульфа, и тот, словно ощутив пинок под столом, сказал хмуро:

– И опасного, добавьте.

– Насколько? – спросил я деловито.

– Настолько, – ответил он раздраженно, – что одинокий корабль наверняка перехватят пираты!

– Весь океан наводнен пиратами? – уточнил я.

Он снова дернул щекой, глаза зло сузились.

– Мы так называем все корабли, что не признают императорский флаг.

– Понятно, – сказал я. – На самом деле они принадлежат различным мелким образованиям, расположенным на островах. Так?

– Не все из них мелкие, – возразил он. – Так что приходится отправлять целую эскадру. Но даже могучий флот теряет половину кораблей за рейд туда и обратно.

– Пираты?

– На такой флот пираты нападать не рискуют, – ответил он с гордостью. – Но внезапные штормы, опасные чудовища, перемещающиеся грозы, Морские Всадники... да что говорить!.. Чаще всего потеря таких кораблей не окупает привезенное из-за океана, собранное в виде налога золото. Гибнут не только корабли, но и люди, а среди них не все простолюдины! Капитанами обычно служат отпрыски знатных семей. Им выплачивают компенсации, оправдываются перед обвинениями, что не все сделали для спасения.

– Понимаю, – прервал я. – Королевство временно освобождено от налогов. Так?

Они снова переглянулись, неприятно пораженные, чересчур быстро схватывая, Арнульф подтвердил, морщась:

– Да, временно. Именно, временно!

В его словах звучала неприкрытая угроза. Я не стал выказывать радость, напротив, сделал строгое лицо и ответил со всем почтением:

– Должен заверить без всякого притворства, что я за крепкую власть. Одна империя – одни законы, беспощадная торговля по всей территории, свободное перемещение товаров и народа, безопасность на дорогах... это перевешивает все плюсы сепаратизма. Так что я «за».

Бабетта пояснила все тем же щебечущим голосом, но вполне серьезно:

– Сэр Ричард, придя ко власти в Армландии, сумел прекратить междоусобные войны. Сейчас там все, как он говорит. Включая безопасность на дорогах, а раньше там была такая жуть! Не только разбойники, но и каждый местный лорд был хуже разбойника.

Глава 5

Четверо слуг внесли на носилках зажаренного целиком вепря. В боку торчит длинный нож с золотой ручкой, к ним подбежали еще четверо и бережно перегрузили изысканное блюдо на середину стола. Сэр Гримоальд сиял, Арнульф и Бабетта переглянулись и выдавили восхищенные улыбки.

– Да, – сказал я с восторгом, – великолепная дичь, достойная рыцарей-охотников! Это не жалкие гуси-лебеди, не способные дать сдачи или улететь... почему их и режут даже простолюдины...

Сэр Гримоальд расцвел, леди Бабетта с очаровательнейшей улыбкой наклонилась ко мне.

– Хватит, – шепнула она сердито, продолжая улыбаться, – сэр Ричард, не переигрывайте. Думаю, вы успели очаровать нашего хозяина в первые же пять минут.

– Да, вы правы, – ответил я громко, – обязательно попробуйте заднюю ногу! Охотничий талант сэра Гримоальда как хозяина сравним только с его умением содержать замок в идеальном порядке!

Слуги поспешно отрезали заднюю ногу и положили перед леди Бабеттой. Она с застывшей улыбкой поблагодарила кивком сэра Гримоальда, а меня пнула под столом.

Я деловито отрезал ломоть наиболее нежного мяса, хотел было положить леди Бабетте, потом решил, что она не женщина, а сотрудник секретной службы, опустил в свою тарелку.

– И что, – спросил я мрачно, – император ждет, что тут же ринусь отвоевывать Гандерсгейм?..

Сэр Гримоальд посмотрел на Арнульфа, тот ответил очень серьезно:

– Вы же приняли титул маркграфа?

– И что? – спросил я.

Он ответил с нажимом:

– Вы просто обязаны вернуть марку под свою власть. И, следовательно, под власть императора!

В его словах прозвучала не слишком уж и скрываемая угроза. Я вспомнил, что говорил герцог Ульрих насчет императорских солдат, против которых ничто не устоит, сказал примирительно:

– Хорошо, хорошо!.. Вы не так поняли. Я с благодарностью принял титул и постараюсь вернуть марку под власть императора. Однако я не могу броситься туда прямо сейчас. Мы только что завершили трудную операцию... вы знаете, о чем я. Войскам требуется длительный отдых. Кроме того, нужно собрать сеньоров, что разъехались по новым владениям. Потом необходимая перегруппировка, выработка новой тактики...

Он спросил подозрительно:

– Это какой?

Я развел руками.

– Еще не знаю. А вы? Нам не приходилось сражаться в пустыне. Но явно удар тяжелой рыцарской конницы, которая здесь приносила победу, там будет не лучшим тактическим приемом. И, конечно, задолго до выступления войска в неведомую страну я предпочел бы получить подробнейшие карты... желательно с расположением воинских лагерей противника.

Гримоальд поморщился.

– Это кочевники! У них сегодня в одном месте лагери, завтра в другом.

– Хорошо-хорошо, – сказал я уступчиво, – но хотя бы карту дорог, мостов через реки, удобные броды в мелких реках, есть ли горы, пропасти... а также, раз уж пустыня, где колодцы, оазисы и прочие запасы воды, достаточные для большого войска.

Гримоальд задумался, Арнульф сказал неохотно:

– Да, вторгаться без карт – риск. Его Императорское Величество не желает, чтобы вы потерпели поражение в стране варваров.

Бабетта добавила с очаровательной улыбкой:

– Император заботится о вас, сэр Ричард. Отныне.

– Следовательно, – сказал я, закрепляя победу, – сперва я должен побывать не только в Геннегау, где сообщу... такие новости, но и в Брабанте. Для подготовки к приходу наших войск. Нам нужна хорошо защищенная база. Или тащиться через все королевство и сразу вступать в бой?

Бабетта посмотрела на красное небо за окном. Лицо ее омрачилось, она сказала со вздохом:

– Мне пора.

Сэр Гримоальд приподнял одну бровь.

– Не безопаснее ли с сэром Арнульфом?

Она с улыбкой сожаления покачала головой.

– Пусть лучше нас не видят вместе.

Сэр Гримоальд поднялся, отвесил учтивый поклон.

– Я проведу вас.

– Только до выхода из здания, – сказала Бабетта. – Пусть никто не увидит и нас с вами.

– Да кто увидит?

– Пусть даже возможности такой не будет, – ответила Бабетта неожиданно твердо и решительно. – Когда в игре большие ставки, рамки рыцарства раздвигаются...

– ...а то и вовсе размываются, – бросил Арнульф с мрачной усмешкой. – От рыцаря до императора далеко, сэр Ричард. Как и от императора до рыцаря.

Мне показалось, что в последней фразе кроется ясный намек. Он не сказал в лоб, что для политика никакие средства не бывают грязными или запретными, но я умею читать между строк и слышать то, что хотят сказать, но не говорят.

Бабетта вышла, сопровождаемая сэром Гримоальдом, а я повернулся к Арнульфу. Несмотря на все его объяснения, я все равно чувствовал к нему лютую вражду, а он это читал на моем неподвижном лице.

– Кстати, – произнес я ровно, – сэр Арнульф... ваши люди забрали мое оружие. Меч и лук. Я просил бы вернуть их.

Он посмотрел с удивлением.

– Они так важны для вас? Вы же маркграф!.. У вас и так целое войско с мечами.

– Семейные ценности, – объяснил я. – Я не хочу оправдываться перед отцом, что взял без спросу и потерял.

Он пожал плечами.

– Хорошо, узнаю, в каком они состоянии. Мне кажется, наши маги ими заинтересовались. По крайней мере, луком. А что... он так хорош?

Он словно выстрелил в меня вопросом, я смотрел все так же прямо и предельно бесхитро.

– Семейная реликвия, как я уже сказал. Ценная только для нас, Валленштейнов.

– Хорошо, – ответил он. – Хорошо, постараюсь отыскать сегодня же. Вы – маркграф, ваши права и привилегии должны быть учтены.

– Проследите за этим, сэр Арнульф, – сказал я надменно. – Мы, настоящие рыцари, очень чувствительны к вопросам чести. А если повредят мой лук, я сочту это оскорблением. Вы же не хотите, чтобы из-за лука...

Он прервал, выставив перед собой ладони:

– Не хочу. У вас великие задачи, никто не желает, чтобы мелочи помешали.

Дверь распахнулась, стражи в коридоре деревянно отступили к противоположной стене. Сэр Гримоальд вошел ровный, как циркуль, с вздернутым лицом и оловянными глазами.

– Сожалею, – произнес он без всякого оттенка, – но я провел очаровательную гостью только до двери. Она не желает, чтобы нас видели даже воробьи во дворе.

– Воробьи тоже могут быть всякими, – пробормотал сэр Арнульф. – Наверное. Во всяком случае, маги орлов иногда используют.

– Или хробойлов, – сказал я.

Арнульф вздрогнул, посмотрел остро.

– Вы что-то о них знаете?

Я отмахнулся.

– Если это у вас тайна, то я знаю земли, где этих хробойлов, как ворон на дохлой корове. Вас удивит, если скажу, что это на севере?

Не отвечая мне, он поднялся, отвесил сэру Гримоальду короткий поклон.

– Сэр Гримоальд... сэр Ричард... Мне тоже пора.

Сэр Гримоальд коротко взглянул на меня.

– Вас проводят, сэр Арнульф, – сказал он.

Арнульф, не изменившись в лице, коротко поклонился.

– Благодарю вас, сэр Гримоальд.

Мы проводили его взглядами, не двигаясь с места. Какими бы высокими титулами Арнульф ни владел и какие бы должности при короле ни занимал, роль палача позорит всякого. И сэр Гримоальд не пойдет провожать такого, будь он даже королевской крови.

– Сэр Гримоальд, – сказал я, – я тоже... скоро отбуду. Мне задерживаться очень даже не стоит. Несмотря на указание императора, Его Величество может не устоять перед соблазном. Здесь у меня нет дружины, нет даже сопровождения.

Он нахмурился.

– Да, это было очень неразумно с вашей стороны. Лорд вашего уровня должен появляться с надлежащим сопровождением. Дабы не было урона чести...

– Мое войско устало, – объяснил я. – Мы проделали такой путь! Полководец должен беречь воинов. А у меня сил обычно больше, чем у рядовых бойцов.

Он кивнул, взгляд потеплел на сотую долю градуса.

– Забота о войске возвышает полководца. За такого и сражаются лучше. Вы хотите отбыть сразу же после завтрака?

Я покачал головой.

– Сэр Гримоальд, сожалею. Только у вас в Ундерлендах я увидел настоящую еду для мужчин, когда то, что на столе, добыто на охоте! Потому большой соблазн остаться до завтрака, но, увы, не хочу подвергать и вас опасности. Я покину замок ночью. Тайно.

– Сэр Ричард, – произнес он с достоинством, – вам здесь ничего не грозит.

Я сказал с великим почтением:

– Сэр Гримоальд, ваш замок не сможет взять даже императорская армия. Я вижу гармонию изящества и мощи! Но дело даже не в том, что я не хочу, чтоб у вас были неприятности. Такой истинный лорд, как вы, пренебрежет личной опасностью ради защиты гостя. Но мне самому пора к своему войску и, как вы уже знаете, обязанностям маркграфа. А если учесть, что я все равно еще и майордом...

Он развел руками, лицо помрачнело.

– Я сочту за честь принимать вас всегда и столько, сколько вам будет угодно, маркграф Ричард. Но если ваши обязанности требуют вашего присутствия в другом месте...

– Вы меня понимаете, – сказал я с благодарностью.

Он выпрямился.

– Сэр Ричард, я велел подобрать вам лучшие доспехи, что отыщутся в замке. А также лучший меч из нашей оружейной. Рыцарь вашего ранга не может появляться на людях в... несоответствующем виде.

– Благодарю вас, сэр Гримоальд!

– Это мой долг, – возразил он надменно. – Долг рыцаря по отношению к рыцарю. Ваши доспехи, одежда и оружие ждут вас в ваших покоях.

Стражи в коридоре смотрели на меня с великим интересом. Один даже сделал шаг вперед и распахнул передо мной дверь в отведенные для меня покои.

Я перешагнул порог и сразу бросил взгляд на окно. Узковато, к тому же еще и зарешечено очень надежно. Сэр Гримоальд ревностно следит, чтобы его замок соответствовал всем канонам настоящего рыцарского замка. Никто не влезет, но и мне не выбраться.

На большом длинном столе картинно разложены доспехи, подобранные по моей фигуре, а также кинжал и меч в украшенных золотом ножнах, крестообразная рукоять инкрустирована рубинами, придающими ей зловещий вид.

Даже сапоги, достойные лорда, скромно ждут меня в сторонке. Рыцарские шпоры сияют, как осколки солнца. Я сбросил рубашку и брюки, подвигал плечами, разминая мышцы. После бесчисленных ран и заживлений все еще иногда чувствую, как будто что-то срослось не совсем верно.

За спиной раздался игривый смешок.

– Ну, наконец-то...

Я резко обернулся, хотя и узнал этот чарующий голос. Из-за портьеры вышла леди Бабетта и, покачивая бедрами, приблизилась ко мне, неотрывно глядя в глаза.

– Что, – пробормотал я, – на дворе дождь?

– Уехала я, – завершила она, – уехала! Для всех, сэр Ричард, но не для вас.

– Польщен, – сказал я осторожно и потянулся за разложенной одеждой.

Она перехватила меня за руку.

– Сэр Ричард, – сказала она с милой улыбкой, – мне показалось, между нами какое-то напряжение, что ли... Мне бы хотелось его снять. Возможно, этому поможет, если я... нет-нет, не пугайтесь, я не тащу вас в постель! Я имею в виду, что я отвечу на вопросы, если они у вас еще есть...

Я смерил ее взглядом. Она улыбается и привычно покачивает плечами, отчего вся фигура переливается волнующе и возбуждающе, но сейчас это, скорее, по привычке, а лицо серьезное, глаза внимательные, даже голос прозвучал по-деловому.

– Хорошо, – сказал я. – Только не лапайте меня, леди Бабетта. Я весь из себя рыцарь и не хочу выходить из образа. Ведь человек является тем, кем прикидывается, не так ли?

Она хитренько улыбалась.

– А вы всегда прикидываетесь одним и тем же?... Ладно, можете не отвечать. Если так уж стесняетесь, оденьтесь.

Это был недвусмысленный вызов, она нахально улыбалась, я опустился в кресло и предложил ровным голосом:

– Присядьте, пожалуйста. Поговорим.

Она села по ту сторону стола, хотя могла бы рядом, стул свободен, касалась бы меня коленом, а то и нашла бы повод прикоснуться грудью.

– Итак, сэр Ричард?

Думаю, ее губы сами складываются вот так, неважно, что она чувствует. И движения плечиками уже инстинктивные, так кошка при виде толстой мыши довольно мурлычет.

– И что, – сказал я, – по-прежнему будете утверждать, что выполняете приказы Кейдана?

Она лукаво прищурилась.

– Ну, конечно же! Я в самом деле так и делаю. Конечно, если не противоречат указаниям императора.

– Ага! – сказал я торжествующе.

– Что «ага»? – осведомилась она. – А как же иначе?.. Я была прислана в помощь Кейдану. И я ему помогаю. Но приоритет императора выше.

Я поинтересовался:

– Но как вам удалось повлиять на императора?

– Если сказать правду, – ответила она все еще щебечуще, но в глаза мне посмотрела открыто и прямо, – что так непривычно для красивой женщины... я ведь красивая?.. вы сами убедили императора выдернуть вас из рук расвирепевшего Кейдана.

Я изумился:

– Это когда же?

– Когда сказали Кейдану, – напомнила она, – что все королевство уже в ваших руках. Император, он... политик. У него много земель, много королевств, больших и маленьких. Ему безразлично, кто кого здесь обидел. Он мог и дальше поддерживать Кейдана во всем, но тот потерял почти все королевство!.. А тут вы, сильный, энергичный, волевой, предприимчивый... расклад сложный, но император, как мне кажется, принял неплохое решение...

Я буркнул:

– Даже очень.

Она промурлыкала, подлащиваясь, играя глазками, оголенными плечиками и грудью:

– Разве я не самое верное решение приняла?

– Даже очень, – проворчал я.

Она старалась смотреть мне в глаза, хотя сижу голый, могла бы попытаться смутить, но я крепкий орешек, уже поняла, хотя явно недоумевает, почему тогда не набрасываюсь, если не скован всякими догмами, а я насмешливо улыбался, а сам прикидывал, что император Герман Третий, который так умело воспользовался моим отчаянным положением, вроде бы тот, который прислал на Каталаунский турнир золотой шлем для лучшего из лучших. Станный император, предпочитает в свою личную охрану брать надежных людей Севера. Впрочем, чего это я вижу странное как раз в обыденном, так всегда поступали владыки. Швейцарская охрана несла службу даже у спальни восточных султанов, и сейчас швейцарцы охраняют папский дворец. Вообще можно полагаться только на иностранцев, у них нет на месте службы родни, даже языка не знают.

Но меня подловили хитрее...

Ее узкие и красиво очерченные брови приподнялись, когда я поднялся, глаза расширились в изумлении, а пухлый чувственный рот приоткрылся. Я взял ее за руку и потащил, полупирающуюся, к постели. Известно, что сопротивление, которое оказывает женщина, доказывает не столько ее добродетельность, сколько ее опытность, но леди Бабетта в самом деле явно сбита с толку.

Впрочем, в постели показала себя весьма искушенной, намного искушеннее всех по ту сторону Хребта и даже по эту, но я еще искушеннее уже по дефолту, и хотя не стал демонстрировать всей привычной даже для школьника техники, обойдемся, леди Бабетта была потрясена и наверняка сочла меня развращенным до мозга костей сластолюбом... в прошлом, который отыскал себе развлечение еще интереснее, понять бы только какое.

Отдышавшись, она прошептала:

– Ах, сэр Ричард!.. Вы так искусно делаете вид, что это я вас совратила... что я просто польщена! Но вообще-то... зачем это вам понадобилось?

Я проговорил великодушно:

– Леди Бабетта, что за вопрос? У вас такие формы, такое все сочное, горячее и сладкое, что я просто сожрал бы вас всю.

Она хихикнула.

– Спасибо. Тем более приятно, что все правда, я такая. Но вы все-таки не ответили! Мы, женщины, чувствуем, когда напрыгивает самец, когда залезает мужчина, а когда взбирается политик.

– Ого, – сказал я с уважением. – И что, я политик?

– Вы все сразу, – ответила она с довольным смешком. – Впервые встречаю такое дивное сочетание! Как это пикантно...

– Так это же хорошо?

– Замечательно, – подтвердила она. – Только все равно интересно, что вам потребовалось, как политику?.. И еще любопытно, получили это нужное или нет? Впервые теряюсь в догадках.

Я пробормотал с показной неловкостью:

– Это и есть женская интуиция? Везде видеть подвох?

– Милый Ричард, ну, скажите! Зачем вам понадобилось меня вот так... я в восторге, правда! Но все-таки вы хотели чего-то еще помимо плотских утех. Вы такой, вам этой мелочи мало.

– Как и вам, леди Бабетта, – ответил я. – Как и вам. Мы стоим друг друга в неискренности. Хотите еще вина?

Она покачала головой.

– Мне кажется, вино не справляется с теми задачами, которые мы на него возлагаем.

– Верно, – согласился я.

– Вы даже не пьянеете, – сказала она обвиняюще.

– А вы ничего не выбалтываете, – ответил я с укором. – Зря на вас хорошее вино перевою!

Она расхохоталась и бросилась мне на шею. Горячая мягкая грудь снова воспламенила меня, я зарычал и сладострастно распластал ее в постели.

Потом мы охлаждали себя вином, я еще и сожрал большой кусок мяса, Бабетта не ела, но смотрела с одобрением, женщинам всегда нравится, когда мужчины хорошо и быстро жрут.

Я промычал с набитым ртом:

– Как отнесся герцог Ульрих к тому, что я и есть ненавидимый им Ричард?

Раскрасневшаяся, как майская роза, со вспухшими губами, она лежала навзничь, раскинув в сладостном бессилии руки, на лице полное довольство и мечтательное выражение, но быстро посерьезнела и ответила почти по-деловому, хотя в голосе все еще чувствовалась сладкая истома:

– Ему пришлось очень быстро взвешивать на весах ненависть к вам и угрозу со стороны короля. Потеряв Сан-Мари, Кейдан либо постарался бы устранить помеху в лице герцога, чтобы установить личную власть в Ундерлендах, либо поставил бы во главе кого-то послушного вроде барона Кристина в обмен на свою поддержку.

Я сказал мрачно:

– То есть с герцогом мне все же лучше не встречаться?

Она проворковала чарующе:

– Общие интересы сближают.

Я буркнул:

– Я думал, это в отношении женщин.

Она покачала головой по смятой подушке, глазки весело блестят, а на покусанных губах улыбочка превосходства.

– Милый Ричард, женщины – всегда одиночки, как все кошки. Это мужчины легко сбиваются в стаи. Если увидите группу женщин, то это соперницы присматриваются друг к другу, их улыбки напоены ядом. Мужчины могут соперничать из-за добычи, но обычно она за гори-

зонтом, а чтобы туда дойти, мужчины сбиваются в отряды и помогают друг другу. А у женщин добыча всегда рядом, потому соперничаем всегда и сразу.

Я уже не слушал, мне психология женщин по фигу, я не собираюсь их покорять, завоевывать, убалтывать или очаровывать, для этого есть низший сорт мужчин, именуемый бабниками, а если без литературного глянца, то зовут их куда похлеще...

– Значит, – сказал я, – о том, что я схвачен, вы сразу сообщили всем: герцогу, Витерлиху...

– Милый и, увы, безрассудный Витерлих сразу начал строить планы, как вас спасти. Я предложила ему просто прибыть в резиденцию короля и там ждать.

– Знали, что прибудет с отрядом?

Она засмеялась.

– Большинство мужчин абсолютно предсказуемы! Конечно же, барон Витерлих должен был явиться со свитой из вассалов, иначе это урон его чести.

– Он поступил правильно, – согласился я. – Как записано в рыцарском уставе.

Она внезапно хихикнула:

– А вы долго держались, сэр Ричард!

Я посерьезнел.

– Что вы имеете в виду?

– Постель, милый Ричард, что женщина еще может иметь в виду? Вы долго не давали себя затащить в постель. А потом сами перехватили инициативу.

– Бабетта, – ответил я лениво, – я просто следую старому правилу: не спи с тем, кого, может быть, придется выгонять с работы. Или с тем, кто однажды может выгнать тебя.

Она обняла меня за шею и вlepила жаркий поцелуй.

– Вы правы. Мы настолько независимы друг от друга, что даже сами не заподозрим себя ни в чем... деловом.

Как же восхитительно врет, мелькнула мысль. И я вру. Это и есть основа хороших взаимоотношений, когда оба говорим то, что надо, а не то, что есть.

– Сейчас сразу в Геннегау? – спросила она. – Думаю, войско вам придется собирать ото всюду...

– Бабетта, – сказал я укоризненно, – от таких дум морщины, знаете?

Она испуганно отшатнулась.

– Ох, только не это!

– Ничего, – утешил я. – На пятках не страшно.

Она замахнулась на меня кулаком.

– Противный! Что вы меня так пугаете...

Глава 6

Я перемещался по стене, прячась за каменными зубцами, сканировал ночь, переходя с одного зрения на другое, останавливал взгляд на багровых точках и всматривался до рези в глазах, увеличивая изображение так, что из носа пошла кровь, а голова закружилась. Пришлось замереть и долгое время приходить в себя, затем снова пошел с одной стены на другую, пока наконец взгляд не зацепился за две размытые багровые тени.

Исчезники прячутся в зарослях достаточно близко от замка. Благородный сэра Гримоальд брезгает нечестивыми методами защиты, потому его часовые даже не поймут, если эти вот наблюдатели перелезут через стены и спокойно спустятся по ступенькам во двор.

Я стиснул челюсти, хорошо, двое обнаружены. Но вряд ли король послал только этих, больно уж расположились в неудобном месте...

Перебравшись на другую сторону, я отыскал еще две группы. Эти заняли позиции намного более выигрышные: по дороге из замка. А те двое, понятно, только для страховки. На случай, если вздумаю спуститься по веревке с другой стороны.

Бабетта просто оделась и вышла за дверь, с милой улыбкой попросив о ней не беспокоиться, все уладит сама. И сейчас я, намереваясь сам покинуть замок, думал с благодарностью о тех немногих женщинах, что свои проблемы решают сами. А высший класс, когда вот приходят в твою постель, а затем легко и просто говорят: не провожай, дорогу знаю, еще увидимся.

Сейчас я без своих доспехов и меча Арианта, без болтеров, молота и колец чувствую себя голым и беззащитным, куда еще заботиться и о женщине! Тем более надо ускользнуть из тайно осажденного замка. Арнульф вроде бы случайно проболтался, что прибыл не один, а с большим отрядом и, дескать, сразу же установил наблюдение за окрестностями и самим замком.

По стене прошли двое охранников: в железе, бодрые, подтянутые, в руках короткие копья, ими удобнее встречать нападение. Я прижался к камням, они протопали совсем рядом, один даже зацепил рукавом. Я выждал, когда удалились, и, перебросив веревку, начал спуск в серую для меня тьму. Понятно же, что хоть Арнульф и отбыл с докладом то ли к королю, то ли к императору, то ли к обоим, но наблюдение, естественно, не снял. И, конечно, наверняка там в кустах все с амулетами, позволяющими видеть незримников. Королевская службы охраны должна быть оснащена по высшему разряду...

Помня это, я спускался со всеми предосторожностями, как если бы оставался зримым. Незримник я только для стражей благородного сэра Гримоальда, прохаживаются над моей головой и время от времени поглядывают вниз, так что надо еще и тихо...

Ноги наконец коснулись земли, я, как ящерица, скользнул под защиту невысоких кустов. В неподвижном воздухе все еще стоит пряный запах роз, но где розы, там и колючки, я опасно отодвинулся и начал на четвереньках пробираться в сторону ближайшей засады.

По телу пробежала незнакомая дрожь. Не холодная, не радостная, а нечто иное... Земля словно бы стала прозрачнее, как сквозь матовое стекло проступили свисающие корни растений, темные пятна и более светлые, то ли булыжники, то ли, напротив, песок, а вон и то, из-за чего так вот зрение перешло в другой диапазон: блестящая желтая искорка...

Дрожащими пальцами я вытащил меч, прислушался, везде тихо, начал осторожно ковырять землю и отбрасывать комья руками. Корни такие, как увидел, темное пятно – булыжник, но вижу размеры и края, продолжал рыть, пока кончик меча не достиг блески.

Когда запустил ладонь в рыхлую землю, кончики пальцев нащупали холодный металл. Я подцепил пальцем и, стерев влажные комочки, всмотрелся в небольшую монету из золота. Станный портрет, четкая печать, даже по ободку зубчики, а такая чеканка просто невероятна для древних времен, требуется сложнейшее оборудование...

Вздыхнув, я сунул монету в карман, позже разберусь, если вспомню. Сейчас дело о выживании, до нумизматики дойдем не скоро. Понятно только, что в пыточном подвале или еще как-то пробудилась способность видеть скрытое золото. Надеюсь, смогу увидеть его не только в земле.

Двое сидели за кустом, один дремал, второй смотрел в сторону замка. Я подкрался на цыпочках за спину, одного ударил мечом в шею, другого кулаком в лоб. Он захрипел, открыл и тут же закрыл глаза.

Я встряхнул его за грудь.

– Не прикидывайся. Если не слышишь, ладно, зарежу...

Он приоткрыл один глаз, сразу зыркнул в сторону напарника, но тот распластался в луже темной крови. Острие моего меча поблескивает в лунном свете, я покачал головой, когда страж попытался привстать, холодная сталь уперлась ему в горло.

– Тихо. Я знаю, что у вас еще две группы.

Он прохрипел:

– Ты... ты... не рыцарь...

– Еще какой, – заверил я. – Элитный.

– Рыцари не бьют в спину...

– А я рыцарь только с рыцарями, – пояснил я и ударил его ногой в лицо. – Сколько вас?

Он зажал ладонями разбитое лицо, кровь брызгала из переломанного носа между пальцами.

– Я рыцарь сэра Орнера виконта Клаукерда...

Я ударил его так, что он подлетел в воздух и шмякнулся, как распластанная лягушка.

– Ты мразь, – прошипел я, – а не рыцарь. Позоришь высокое звание... потому умрешь быстро и непочетно. Сколько вас?

Он прошептал, заливая землю кровью из переломанного лица:

– Не... знаю...

Я ударил снова.

– Должен знать.

– Но я...

Острое лезвие глубоко вошло в его горло, позвонки влажно хрустнули. Он захрипел, дернул пару раз ногами и затих. Я сорвал с его груди амулеты, потом разберусь, какой для чего. Пинком перевернул на спину его напарника, тот так и застыл с вытаращенными в удивлении глазами, как же так, это же они должны всех бить и нагибать, почему все не так, как обещано...

На двоих у них шесть камешков и хитро вырезанных из металла штучек. От всего на свете не предохранишься, я сложил все в поясную сумку и пошел крадучись вдоль замка. Сверху не заметят, понятно, а эти гады могут и встретить залпом из трех арбалетов...

Я мощно бил крыльями о воздух и неся, как гигантская стрела. После того, как Бабетта попрощалась и, глядя на меня с хитренькой усмешкой, исчезла, мне больше здесь заботиться не о ком. Она наверняка проскользнула за пределы замка, где ее ждут кони, хотя не исключая и более экзотичные способы передвижения, о которых умалчивает.

Когда подпрыгнул и ударил по воздуху крыльями, сам потрясенно понял, что на этот раз сумел остаться незримником даже в личине ящера, чего раньше не удавалось. На стене что-то учуяли, когда я пронесся над их головами, у рыцаря на башне затрепетали перья на шлеме, однако никто не кричал, что видит крылатое чудовище, только посмотрели по сторонам, хлопая глазами.

Сперва несколько раз сбивался с ритма, проваливался, потом понял, что это происходит только в момент, когда пытаюсь увидеть крылья или лапы и определить их размеры, так что

теперь просто лечу, не снижая скорости, и прикидываю, насколько проще будет с возвращениями. Да и со стартом, конечно.

Охнул, запоздало обнаружив, что не чувствую перевязи с мечом. В то же время не помню, чтобы меч остался на земле. Похоже, я теперь на уровне, что повыше. Логирд говорил, что они есть, есть, однако не все, что доступно было темному богу, будет доступно человеку...

Жаль только, что за способность к такому апгрейду пришлось заплатить недельными пытками в подземном каземате.

Крылья били по воздуху со злой энергией. Как ни измучили, но молодость берет свое, как сказал сэр Гримоальд. Хватило сытного обеда и не менее сытного ужина, плюс бесчисленное количество кофе, и снова злая энергия переливается в моем теле. Земля проплывает внизу медленно, но это потому, что стараюсь подняться повыше. Хотя и в личине исчезника, но почти в любом крупном отряде есть один-два с амулетами, от которых не укроется никакой незримник. А одинокие искатели приключений так вообще обвешаны амулетами, талисманами, а вдобавок еще и выучили с десяток заклинаний.

Вокруг замка было всего шесть человек, по двое в группе. Я оставил трупы, забрав амулеты, раздам своим лазутчикам. И хотя вроде бы нет особой нужды убивать всех, но надо было показать как королю, так и Арнульф, что со мной шутки плохи. Если один раз попался по глупости и беспечности, потеряв осторожность, слишком все легко удавалось, то теперь пройду, как бич Божий, по всему, что встанет на пути или проявит враждебность.

Земля отдалилась, лес стал выглядеть как мшистое болото, покрытое зелеными кочками. Кругозор расширился, горизонт испуганно убежал во все стороны. Даже суслики и луговые собачки встают на задние лапки и вытягивают шеи, чтобы увидеть побольше и подальше, а муравьи залезают на вершинки растений, так что у меня обзор, которому любой орел позавидует.

Далеко впереди показалось темное быстро приближающееся пятно, разбилось на огромную стаю крупных птиц. Летят не клином, как положено, а, дураки набитые, беспорядочной стаей, как вороны. Я врезался в суматошное хлопанье крыльев, крики, кряканье и карканье, как летящая скала. Посыпались легкие удары в грудь, по крыльям, а я раскрыл пасть и ухватил одну на лету. Соленоватая кровь показалась сладкой, я проглотил добычу целиком, запоздало подумав, что там же с перьями и костями...

Да ладно, как-то же другие жрут, у птиц желудки другие, а я сейчас вроде птица, хоть и птеродактиль, они тоже птицы, хоть и ящерицы, и вообще птицы, рыбы и ящерицы – почти одно целое, во всяком случае – с чешуей.

Пару раз выгибал шею, очень неудобно и даже больно, старался взглянуть наверх, но ни багеров, ни гроссбагеров, хотя, как говорил Логирд, очень высоко двигаются корабли. Как высоко, не знаю. Не знаю, смогу ли добраться до них на своих двоих. В смысле, крыльях.

Впрочем, если очень надо, то, может быть, удалось бы отрастить даже четыре. Вон у стрекоз или мух по четыре, как и у бабочек... Нет, вряд ли это возможно при больших размерах. У птеродактилей, насколько помню, при всем их многообразии, крыльев было всего два.

Подо мной причудливо изгибается береговая линия, с такой высоты не увижу даже крупные корабли, но впереди моя лучшая на всем побережье бухта. Там, в защищенной от ветров гавани, строю новый порт, где будут большие доки, где выстрою флот, большой флот, посажу рыцарское войско и отправлю в крестовый поход за океан...

Сердце начало гордо бухать с такой силой, что ощутил жар во всем теле. Постройка флота – это даже важнее, чем завоевание королевства. Завоевывать – это прежде всего ломать, жечь и убивать, а вот строить – это уже принципиально иной уровень. И я, какой умница, уже вышел на него...

Что-то давно сэра Сатана не дает о себе знать. То ли махнул на меня рукой, что и радостно и... обидно, все-таки себя позиционирую как нечто крупное и значительное, словно все еще подросток, то ли ситуация идет так, что являться и подталкивать незачем, и так иду точно в указанном направлении, но, как те же подростки, громко кричу о независимости и особом и уникальном пути.

Сердце встрепенулось, впереди на береговой линии расцветает зловещее багровое пятно. Нехороший такой цветок, похожий одновременно и на розу, и на быстро растущий гнойный нарыв. Крылья сами изменили угол, я заработал ими чаще, стремительно снижаясь по крутой дуге.

Вот характерная подкова широкой морской бухты, красный огонь начал распадаться на отдельные пятна, я вскрикнул, узнав наконец-то свою гавань и свой новый порт, который строят на месте старого. Я никогда не видел Тараскон сверху, как и этой части Сан-Мари, сейчас трясет от бессилия, с каждым взмахом море приближается, горят не только дома, причал и склады, но и корабли в бухте...

Я все еще снижался, готовый вступить в бой, ярость душит с такой силой, что остро кольнула мысль, а не берет ли во мне верх Террос. Сжатые когти с усилием разжались. Судя по всему, корабли с моря неожиданно вошли в бухту и нанесли внезапный и жестокий удар. Поджегши корабли, высадили десант прямо на причал и принялись уничтожать мою великую и амбициозную стройку.

Ордоньес, мелькнула горькая мысль. Пират, которого я сделал адмиралом флотилии и послал через океан в этот город... Все-таки прежняя привольная жизнь взяла верх. Решил, что убивать и грабить беззащитное население куда интереснее, чем осесть и вести правильную, скучную жизнь.

Горят паруса, мачты, вспыхивают просмоленные корпуса судов, огонь над крышами складов. Я снизился и различил бегающие человеческие фигурки, то ли пытаются вытащить тюки с товаром, то ли сами поджигают.

В глазах потемнело от горечи. Удар нанесли в самое уязвимое и самое больное место. Все эти завоевания и захваты – ерунда. Все делается только для того, чтобы закончить строительство этого порта и начать постройку большого флота.

Ведь Тараскон вырос только благодаря порту. Нет таких жителей, которые прямо или косвенно не обслуживают корабли и моряков, начиная от шлюх и заканчивая главами торговых гильдий. Когда я начал масштабное расширение порта, в Тараскон прибыли сотни умелых плотников, столяров, кузнецов, каменотесов, инженеров и прочих ремесленников. Потому что для большого порта нужен и город побольше: придется строить новые большие дома, а это значит, понадобится больше строительного материала, потребуется больше мяса, одежды, овощей, тканей...

Сейчас горит не только порт, но и моя мечта о мощном флоте, который отправится через океан.

Ордоньес, сволочь, как ты мог? Переплыть океан, показать себя героем? Никогда еще пираты не решались на такое, но вместо того, чтобы прибыть, как я и велел, мирно, предпочел обрушиться всей мощью, сладострастно грабит и разрушает беззащитный порт...

Я круто взял в сторону, отсюда как на ладони весь город и окрестности, крылья понесли к гордому замку графа Дюрренгарда. Это большой риск, но надо спешить, я не стал нарезать круги и сразу опустился на вершине башни. Здесь вместо двери люк, я потянул за кольцо, крышка поднялась без скрипа, я быстро побежал вниз по винтовой лестнице. Из личины незримника вышел по дороге, во дворе охнули, когда я, огромный и чужой, выбежал из темного входа.

– Где сэра Дюрренгард? Отыскать срочно! А вы все быстро собирайте рыцарей и всех, способных держать оружие!

Один из молодых воинов подбежал, лицо растерянное, всмотрелся в меня.

– Сэр... ваша светлость? Откуда вы?

– Неважно откуда, – рыкнул я, – важно, куда кто пойдет! Быстро беги за Дюрренгардом!

Он сказал обиженно:

– Не кричите на меня, сэр Ричард... Я сейчас позову оруженосца.

Я стиснул зубы, на сапогах парня золотые шпоры, что значит, не погоняешь, как простого холопа. Со всех сторон сбегается народ, я быстрыми шагами направился к донжону.

Навстречу выбежала женщина в голубом платье, я узнал жену Дюрренгарда.

– Что случилось? Что за крик?.. Сэр... простите, сэр Ричард?

Она поклонилась, я ухватил ее за руку.

– Леди, срочно нужен ваш супруг. На порт напали пираты. Велите собрать всех, способных держать в руках оружие. Если не отобьем, они разрушат город!

Она вскрикнула:

– Пираты? Снова?

– Да.

Она прошептала, медленно бледнея:

– На город не посмеют...

– Эти посмеют, – сказал я с горечью. – И уничтожат полностью.

– Мой супруг на охоте, – сказала она торопливо. – С ним все гости графа...

Вдали прозвучал рог, сильный и нетерпеливый. Народ с криками бросился к воротам.

– Граф вернулся? – спросил я.

Она вскрикнула с облегчением:

– Да!.. Пойдемте пока в дом. А я отдам распоряжение дворцовой страже идти с вами.

Я сделал за ней шаг, однако ноги примерзли к полу. В холле навстречу грузно топает, скрежеща когтями по мраморным плитам, мощный ящер, сверху покрытый костяной броней, с шипастым гребнем, а морда втрое крупнее лошадиной.

Леди на ходу шлепнула его по морде, оглянулась.

– Пойдемте, сэр Ричард! В оружейной сами выберете оружие, что нужно раздать...

Я взглядом указал на ящера, страхась шевельнуться.

– А оно не укусит?

Она сказала с укором:

– Вот не подумала бы, что вы из робких мужчин.

– Женщины не любят робких мужчин, – пробормотал я, – кошки не любят осторожных крыс...

Она покачала головой.

– Сэр Ричард, что с вами? Это Кеша, домашний дракончик. Он еще маленький...

Я бочком протиснулся мимо ящера, кося взглядом и объясняя мысленно, что мы одной крови, что я вроде Маугли, а он великий и мудрый Каа, что отрастил себе аж четыре лапы, его все любят, а главное – уважают.

Ящер чуть повернул голову, рассматривая меня с великим удивлением, но не сдвинулся с места. Ноги мои ослабели, когда проходил в шаге от его морды с длинными алмазными зубами. Ощутился даже запах старой рыбы, а когда я удалялся, все еще чувствовал на спине недоумевающий взгляд: с чего это двуногое вздумало напрашиваться в родственники?

Некстати мелькнула мысль, что нечто подобное растет у Беатрисы. Болотный дракончик, уже чудище, а не милое существо, хотя для Беатрисы и ее дочери Франсуазы все такой же любимец...

Дверь резко распахнулась, граф Дюрренгард вошел уверенно и властно, с грацией прирожденного правителя и полководца. С ним вошла сила, шагал он широко, смотрел прямо, но

чувствуется, что видит и все вокруг, такие люди замечают все, а за ним вдвинулись исполненные почтения его рыцари и гости, все еще покрытые пылью и пропитанные запахами леса.

– Сэр Ричард, – сказал он мощным голосом, – что-то стряслось?

– Да, – сказал я быстро, – берите всех воинов и ведите в порт. Пираты сожгли корабли в гавани, высаживаются на берег. Там жгут дома и склады. Когда дограбят – ударят на город.

Он мгновенно повернулся к своим гостям.

– Седлать коней!.. Новых, эти пусть отдыхают. Послать за баронами Кларенсом и Чедвигом, пусть приведут всех, кто сейчас на месте. Сэр Ричард, но как вы здесь оказались?.. И почему без охраны?

Я отмахнулся.

– Об этом потом. Сперва выбьем пиратов.

– Они не осмелятся пойти дальше, – сказал он, как и его жена.

– Эти осмелятся, – заверил я.

Глава 7

Герцог оказался прав, а я ошибся: пираты всего лишь разграбили склады, перетащив все ценное на корабли и захватив пленных. Мы ворвались в горящий порт, сотрясая набережную грозным цокотом подков и воинственными криками, но корабли уже снимались с якоря, только два задержались у причала, принимая тяжело нагруженных награвленным пиратов.

Герцог сразу повел конницу на перехват, три лодки отчалить успели, им вдогонку выпустили несколько стрел из арбалетов, а две порубили на месте, заставив бегущих к ним пиратов, нагруженных награвленным, бросить мешки и схватиться за оружие.

Схватка была короткой, уцелевшие жители порта сбегались со всех сторон и пытались погасить огонь или хотя бы не дать выгореть порту целиком. Рассыпавшиеся по всей набережной конники Дюрренгарда обнаружили еще с десятков пиратов, те бросили оружие, их повязали и привели ко мне.

Я смотрел с гневом и горечью, сколько потребовалось усилий, чтобы начать строительства порта, и как легко все уничтожить!

– Поставить колья, – велел я. – Что, не знаете, как?.. Я научу... И посадить этих животных так, чтобы умирали долго и чтобы все это видели.

Граф был шокирован с головы до ног, посмотрел на меня с ужасом.

– Это чересчур, сэръ Ричард...

– Ничуть, – заверил я. – Мир жесток... особенно тот, из которого я пришел. В моем королевстве это считалось привычным делом. Зато после такой устрашающей казни уровень преступности сразу резко падал. И наше королевство продвинулось... дальше.

Через полчаса, когда плотники быстро и со злорадной радостью установили вдоль набережной десять высоких и свежеструганных толстых кольев, связанных пиратов приволокли и неумело, но с энтузиазмом, начали сажать на колья, чтобы все в порту рассмотрели их нечеловеческие мучения.

Даже без подсказки плотники затесали колья так, чтобы конец был острый и достаточно длинный, но дальше расширялся, а то быстро проткнет насквозь, и все удовольствие кончится, а так можно долго наслаждаться мучениями сволочей, сжегших здесь все и убивших родных.

Герцог поднялся в седло, разобрал поводья.

– Надеюсь, – сказал он, – после такого в самом деле устроятся...

– Еще как, – заверил я.

Он зябко передернул плечами.

– Господи, что за жестокий мир, из которого вы пришли! Не хотел бы я в вашем королевстве прожить и день.

– Эти казни, – заверил я, – благо. У нас ими сдерживали... гм... да, сдерживали.

– Надеюсь, – повторил он, – у нас тоже... притихнут.

– Еще как притихнут, – сказал я. – Хотя определенная мразь, знаете ли, есть такие, что поощряют любые нарушения закона, это они называют демократией, доказывают, что смертная казнь ничуть не снижает преступность! На самом деле еще как снижает. А особенно вот такая... Достаточно послушать их крики. У всякого, кто видит это зрелище, моментально пропадает всякое желание воровать и грабить.

Он буркнул:

– Такое надо детям показывать. Любые мысли о воровстве выпорхнут из дурных голов, как воробьи из дырявого сарая!

На плоской вершине башни королевского дворца в Геннегау пусто, если не считать занесенных ветром сухих листьев. Я сложил крылья и рухнул, больно ударившись челюстью о свое

же чешуйчатое колено. Камень скрипнул под крепкими и острыми, как алмазные ножи, когтями. Крылья начали складываться на спине, но я быстро сказал про себя кодовое слово и перетек в человека с такой скоростью, что успел ощутить свои уродливо выгнутые руки в момент перехода из крыльев.

Ровная и твердая походка говорит об уравновешенном характере и уверенности в себе, потому я шел так, что никто из страстно желающих так и не осмелился спросить, откуда я внезапно и без криков церемониймейстера.

Оставив за спиной ошалелых стражей, в зале я резко велел дежурному офицеру:

– Майордом собирает срочно совещание Высшего Совета. Разошлите людей за моими лордами!

Он вскрикнул приподнято-ликующе:

– Будет сделано, сэра майордом!

– Поторопись, – бросил я ему вдогонку.

По дворцу, опережая меня, побежал, помчался, полетел, шелестя крыльями и стуча копытами, радостно-возбужденный шепот. Майордом вернулся, будут новости, что-то резко поменяется, неторопливая жизнь армландцев с моим появлением понеслась вскачь, теперь это ощутили и брабандцы с сенмарийцами. Впрочем, это почувствовал и кое-кто в Ундерлендах.

На ходу я велел подать еду, достойную майордома, в мои покои, и пока клич на срочные сборы носился по дворцу и всему Геннегау, я торопливо насыщался, восполняя утерянные за время полета калории. Похоже, начинаю приходить в себя, хотя все еще иногда по телу с конским топотом пробегает дрожь, когда слишком явственно вспомню некоторые подробности пыточного застенка.

Дверь с грохотом распахнулась, через порог шагнула каменная гора, закованная в толстую скорлупу из хорошей стали, только шлем сэра Растера держит на сгибе левого локтя. Голова стала еще массивнее, сидит на плечах без всякого перехода в ненужную шею, черты лица высечены зубилом и молотом, пол едва не прогибается под массой его тела из костей и толстых жил.

Барон Альбрехт вошел следом, но опередил, изящный и быстрый, ниже Растера почти на голову, однако невыносимо яркий, в блестящих, словно зеркало, доспехах, где каждая деталь подогнана с невыносимой тщательностью. У него тоже шлем на сгибе руки, локоть закрывает пышный султан из крупных перьев.

– Вы что, – спросил я сварливо, – на войну собрались?.. У нас мирное процветание!.. Экономiku выводим из послевоенного кризиса!

Растер довольно захохотал, полез обниматься, но тут же отодвинул меня на расстояние вытянутой руки и с удивлением пощупал мои отошавшие плечи.

– Что случилось?.. – спросил он обеспокоенно. – Плохо кормили?.. Я знаю в Геннегау места, где можно налопаться на три дня вперед! В следующий раз уйдем в город вместе! И о себе послушаем, и о бароне что-нибудь узнаем, а то больно скрытный... .

Барон всматривался в меня с непривычной настороженностью.

– Сэр Ричард, приношу свои соболезнования.

– С чем? – спросил я быстро.

– Не знаю, – ответил он. – Но у вас неприятности. И еще не кончились. Сэр Растер прав, кстати. Исхудали вы как-то уж слишком.

– Знаю, – ответил я с натянутой бодростью. – Может быть, ожоюсь. Если не кончусь.

– Так что случилось? – повторил он и тут же добавил: – Кстати, что там насчет какого-то Высшего Совета...

Я отмахнулся.

– А это вы и есть.

– Совет?

– Ну да!

– Да еще Высший?

Я развел руками, стараясь выглядеть бодрым и беспечным.

– Надо же как-то обозвать наш круг собутыльников? К тому же пора ввести в него и некоторых сенмарийцев.

Барон опустил за стол, дождавшись моего кивка, сэр Растер прогудел одобрительно:

– Да, сэр Арчибальд Вьеннуанский показал себя яростным и неустрашимым воителем!.. Аки лев, истинно, аки лев рыкающий и алкающий!

Я буркнул:

– Вообще-то я имел в виду Куно Крумпфельда, но спасибо за подсказку. Арчибальда можно приглашать тоже. Это окажет хороший пропагандистский эффект.

Сэр Растер нахмурился, но в зал начали торопливо входить граф Ришар, Рейнфельс, Альвар Зольмс, Макс и другие военачальники. Одни обнимались со мной по старой дружбе, другие приветствовали вежливо и почтительно.

У всех глаза блестят в предвкушении новостей, но щас, так вам и расскажу о своем позоре, пусть об этом станет известно как-нибудь потом, а пока я должен выглядеть сильным, бодрым и уверенным.

– Рассаживайтесь, – пригласил я таким тоном, что все сразу сели и застыли, глядя на меня. – Извините, никак не соберусь рассаживать по титулам или размеру земель. Но здесь мы все – рыцари! И у нас – круглый стол, хоть и квадратный, вернее, параллелепипедный, если не ошибаюсь, в геометрии я слаб... ха-ха-ха, я ж благородный. Но – шутки к троллям, теперь о деле. Начнем с главного...

Сэр Растер сразу начал оглядываться в поисках кувшина с вином, раз уж начинаем сразу с главного, но остальные слушали очень заинтересованно.

– Итак, – сказал я, – как вы знаете, я вышел из Геннегау неузнанным, чтобы побродить по городу и его окрестностям, узнать настроения простого люда о новой власти. Шел-шел и оказался в Ундерлендах... не перебивайте, пожалуйста! Что отвлекаться на несущественные мелочи? Наверное, задумался о чем-то великом, вот и сбился с дороги. Другое важно! Его Императорское Величество Герман Третий... о котором мы, честно говоря, как-то и не помним в Армландии за ненадобностью, удостоил меня титулом маркграфа. Признаюсь, для меня это было такой же неожиданностью, как сейчас для вас... Потом я вспомнил, хоть и с трудом, что мы все в Сен-Мари, а не в Армландии за Высоким Хребтом. Так что в связи с резко изменившимися обстоятельствами давайте подумаем, чем это нам хорошо, чем не совсем... замечательно.

Все молчали, ошарашенные, граф Ришар проговорил в задумчивости:

– А вы что же... вот так взяли и приняли столь неоднозначный титул?

Я огрызнулся:

– Решать надо было быстро.

Барон Альбрехт поморщился.

– Смею напомнить, сэр Ричард прав, очень высокие особы не любят, когда затягивают с ответом.

– Император, – сказал сэр Растер значительно. – Это ого!.. Правда, ого заокеанское.

– Вот-вот, – согласился я. – Затягивать было совсем не в моих интересах. Еще как не в моих!.. С другой стороны, как мудро заметил наш философствующий сэр Растер, император – ого заокеанское, от нас далекое и нами не управляющее. Конечно, я успел прикинуть, что и как. Общий баланс как бы в нашу пользу. Вроде бы. Во всяком случае, перевес есть. Но это больше чувство, чем долгие расчеты. Эту радость хочу возложить на вас, дорогие мои отмечальщики великой победы! Всем протрезветь и сегодня же собраться на большой совет.

Граф Ришар поинтересовался с усмешкой:

– А тем, кто трезв?

– Могут остаться, – разрешил я, – ибо разобраться надо как можно быстрее. У меня, честно говоря, остается гадкое чувство, что меня обвели вокруг пальца. Нужно побыстрее понять, что мы приобрели, что потеряли.

Барон Альбрехт сказал громко:

– Все слышали? Кто пьян – быстро во двор. Вылить на голову пару ведер из колодца и снова сюда.

Прибыли военачальники фоссановских отрядов, трое брабантцев, а также несколько молчаливых знатных лордов из Армландии, что шли за мной верно и преданно, хотя я по своей подозрительности так и не понял причины их верности такому гусю, как я. После короткой заминки все располагались там, где находили свободные места, и сами уже объясняли новопривышшим, что у нас здесь пока еще военный лагерь, церемонии заведутся потом сами, как черви в трупе.

Я прислушивался к гудящим голосам краем уха. Пока в основном повторяют как доводы Арнульфа, так и мои, но здесь рассматривают под другим углом. К тому же многих интересуют аспекты, о которых явно не подумали Арнульф с Бабеттой.

К примеру, сэр Арчибальд сразу же поинтересовался почтительно:

– Ваша светлость, у меня деликатнейший вопрос... но осмеливаюсь задать только потому, что ответ заинтересует и многих знатных и знатнейших рыцарей вашего войска.

– Говорите, – сказал я нетерпеливо.

– Ваша светлость, – сказал он несколько смущенно, – после победы вы пожаловали ряд земель своим сторонникам. Если бы они располагались в вашем маркграфстве, никто бы не усомнился в вашем праве раздавать владения достойным и отбирать у тех, кто не выполняет обязанностей вассала. Однако все, как я понимаю, получили замки и города... гм... вне вашего маркграфства. Как в связи с изменившимися обстоятельствами...

Я поморщился.

– Умеете же вы, сэр Арчибальд, задавать неприятные вопросы. Давайте и его обсудим тоже. Конечно, я не намерен что-то переигрывать! Однако теперь нужно подобрать более веские доводы, чтобы узаконить такую раздачу. Боюсь, голосов наших героев недостаточно, стоит подыскать знатоков законов и права. Надеюсь, присутствующий здесь барон Куно поможет их отыскать.

Куно, что не проронил ни слова и вообще старался не шевелиться, чтобы не привлекать внимания, торопливо поклонился.

– Да, ваша светлость! Сегодня же все будут во дворце. А задачу им подброшу сразу, чтобы обдумывали еще по дороге.

Сэр Растер прогудел довольноно:

– Вы правы, барон. Вы ведь барон?.. Все, что нужно делать, стоит делать побыстрее. Вы что пьете?

Куно вздрогнул, ответил с бледной улыбкой:

– Все, но... мало. У меня печень.

Растер сказал с широкой улыбкой превосходства:

– Это ничего, я знал одного, которого вообще выворачивало. Я скажу, чтобы вам наливали на самое доньшко. Но – часто, га-га-га!

Я видел, как мрачнел лорд Рейнфельс, он ничего не говорил, только выслушивал споры, наконец поднялся, отыскал меня взглядом, непривычно суровый и нахмуренный. Я улыбнулся ему, чуточку искательно, чует кошка, чье мясо съела. Рейнфельс – из Фоссано, верный вассал короля Барбароссы, подчинен мне, но служение своему королю должен ставить выше...

Он приблизился ко мне, обходя спорящих рыцарей, надменный и почти враждебный, взглянул в упор.

Я сказал торопливо:

– Садитесь поближе, благороднейший лорд Рейнфельс! Если есть вопросы, я полностью к вашим услугам.

Он покачал головой.

– Нет, такое говорить лучше стоя.

Я принужденно улыбнулся.

– Тогда и я встану. Нехорошо мне сидеть, когда такой доблестный воин стоит передо мной.

Все, кто услышал, довольно кивали, майордом блюдет все рыцарские традиции и оказывает высшие почести заслуженным полководцам, это замечательно.

Я поднялся и как можно теплее и дружелюбнее смотрел в холодное и бесстрастное лицо лорда. Лорд Рейнфельс, непривычно суровый и прямой, проговорил таким ледяным голосом, что в зале затрепетали свечи, а на стенах выступила изморозь:

– Сэр Ричард, принятие вами титула маркграфа было серьезной ошибкой.

Я сказал торопливо:

– Погодите, благородный лорд!.. Это даст нам определенные преимущества!

Он даже не качнул головой, ответил, такой же прямой и строгий:

– Вы признали над собой власть императора!..

Рыцари прислушивались, довольное выражение покидало лица, взгляды становились чужими, отстраненными. Я чувствовал не то чтобы враждебность, а хуже – разочарование в глазах и непонимание на лицах.

– Это тактический ход, – сказал я торопливо. – Таким образом мы защищаем себя от любого удара со стороны имперских войск! А за это время много воды утечет!

Рыцари молчали, лорд Рейнфельс нахмурился.

– Много воды?

– Много может случиться, – пояснил я. – Мы сумеем укрепиться так, что даже император не захочет посылать войска через океан, чтобы сломить нас.

Лорд Рейнфельс выслушал, лицо оставалось надменным, покачал головой.

– Сэр Ричард, я считаю такое поведение неприемлемым. Вы должны отказаться от этого титула! Он позорит не только вас. Но и все благородное рыцарство, что пошло за вами. Мы поверили вам!

– Но разве мы не делаем то, – возразил я, – что обещано? Разве не выжигаем тьму, не рассеиваем ее кострами, где сжигаем ведьм и еретиков? Разве не принесли с собой погранную было здесь веру?

Он повторил четко:

– Я свое мнение сказал. Завтра выступлю в обратный путь, а когда прибуду в Фоссано, доложу моему королю обо всем, что случилось. Вернусь, естественно, с войсками, которые сюда привел.

– Дорогой лорд, – сказал я, – позвольте напомнить, что я все еще коннетабль королевства Фоссано!.. И вы подчиняетесь мне!

– Уже нет, – отрубил он. – Есть титулы несовместимые. Вы могли быть гроссграфом Армландии и коннетаблем Фоссано, хотя и в этом есть зерно мятежа, но быть еще и маркграфом Сен-Мари?.. Стать подданным короля Кейдана?

Он гордо выпрямился и оглядел рыцарей. Они зашумели, все верно, одним решением майордома превратиться из завоевателей королевства в его подданных?

– Это только слова, – сказал я громко, но сам ощутил, что прозвучало жалко. – Мечи в наших руках!

– Но кому они будут служить? – обрубил лорд Рейнфельс.

Даже барон Альбрехт проговорил негромко:

– Для рыцарей слова значат очень много, сэр Ричард. К примеру, если такое понятие, как слово чести...

Глава 8

Ноги подкашивались, я дотащился до постели, развернулся и рухнул навзничь. Все тело гудит, словно внутри летают сердитые жуки и пытаются вырваться на волю.

Из стены выметнулась струя голубоватого газа, так показалось вначале, затем вылепилось тяжелое массивное лицо с толстыми губами и тяжелой нижней челюстью.

– Привет, Логирд, – сказал я слабым голосом. – Извини, встать нет сил...

Он завис посреди комнаты, подлетел ближе. Глаза навывкате всматривались в меня без всякого сочувствия.

– Там что-то стряслось?

– А ты не знаешь? – ответил я вопросом на вопрос.

– Нет, – ответил он. – Как-то восхотелось посмотреть, что там у вас... но туда не смог. Даже не понял, то ли от старых хозяев уцелели стены, то ли маги Ундерлендов поставили... И что там нашли на свою голову?

– Если бы на голову, – пробормотал я.

– Расскажите, – попросил он.

– Я с магами не общался, – ответил я.

– А с кем?

Я отмахнулся.

– А с кем я еще могу? Рыцари, рыцари, рыцари...

– Расскажите, – повторил он. – Теперь я могу только так... пировать!

Я рассказывал, он внимательно слушал, пару раз закружился от восторга, один раз подпрыгнул так, что исчез в потолке, это когда я упомянул летающие корабли. Рассказ я закончил на последнем задании, когда сжег все летательные штуки, не забыв сказать, что мое незримничество распространяется и на личину крылатого зверя и что теперь моей мощи хватает, чтобы брать с собой и меч.

Логирд слушал с жадностью изголодавшегося, ученый, все новое интересно, я для него самый увлекательный опыт.

– Значит, – сказал он уверенно, – исчезничество крылатого зверя выше, чем у человека!.. Или потому, что исчезников среди людей немало, против них много заклятий, амулетов, а такой зверь, как вот вы, уже редкость из редкостей!..

– Хорошо, – сказал я.

Он спросил внезапно:

– А что там в Ундерлендах произошло такое, что вдруг приоткрылась способность к исчезничеству?

Я пробормотал:

– Да вроде бы ничего...

– Вспомните, – сказал он настойчиво. – Какая-то встряска, что-то на вас подействовало! Что-то высвободило еще одну возможность...

Он смотрел пытливо, я ответил бараньи прямым и честным взглядом. Жди, щас расскажу весь свой позор, как попался сдуру, как едва не сожгли, как спасло вмешательство женщины, которую я вроде бы держал в Геннегау под замком, как вообще вел себя невероятно глупо...

– Как-то молотком по пальцу попал, – сказал я, – может быть, это?

– Больно было? – спросил он с интересом.

– Хотя бы посочувствовал, – упрекнул я. – Конечно!.. Что я только и кого только не вспомнил!

Он сказал деловито:

– Могло послужить толчком. Боль, страдания, пролитая кровь – это главное для Терроса. Да, это верный путь!.. Боль и страдания!.. Думаю, вы сможете открыть в себе что-то еще...

Я торопливо выставил перед собой ладони.

– Нет-нет!.. И так чуть не кончился. Нет уж, мне хватит. Лучшее – враг хорошего.

– Ваша воля тогда ослабла, – пояснил он. – А эмоции бурлили! Террос – это прежде всего дикая и почти неразумная мощь. Как только боль в вашем пальце утихла, вы снова все подчинили своей железной воле.

– Ага, – сказал я, – железной, да.

Жуткая мысль скользнула по спинному мозгу, не решаясь постучаться в череп, я спросил дрожащим голосом:

– Погоди... Это что значит? Когда я сплю и себя не контролирую, Террос может захватить контроль?

– Терроса нет, – сказал он терпеливо. – Он вообще не может существовать в теле человека. Но его способности стали вашими. Вы и без Терроса не всегда себя контролировали! Приходили в ярость, гневались... не контролируете, когда тянет к женщинам...

– Это я контролирую, – заверил я уверенно и на всякий случай сплюнул, – еще с утра! Насчет ярости – другое дело. Честно говоря, между нами, чаще играю ярость – рыцарям положено быть яростными и гневными. Тем более, правителям. Не стану же в самом деле беситься из-за какой-то ерунды!

– Но иногда яритесь?

– Редко, – сказал я твердо. – Очень редко.

Он вздохнул.

– Рыцарям положено, признак благородной породы, а правителям по рангу – гневаться. Однако вам и то, и другое – рискованно. Рискованно было всегда, а теперь – особенно.

– Совсем ты меня запугал, – сказал я. – Теперь ходи и оглядывайся.

Я чувствовал, что голос мой звучит глухо, Логирд проплыл по комнате взад-вперед, как сквозь вату в ушах я услышал его негромкий голос, полный сочувствия:

– Вы никогда еще так не уставали, сэр Ричард... Вам нужно отоспаться.

...Я очнулся от глубокого сна, как будто вынырнул из обморока, охнул, привстал на локте. Бобик поднял голову и посмотрел очень внимательно. В комнате свежо, по ту сторону стены яркий солнечный день, вижу на дальней башне трепещущий флажок, доносится аромат цветов... Ну да, здесь же кухня далеко от дворца, как и бойня для скота, здесь королевскость, богатство, изысканность...

Я опустил ноги на мягкий толстый ковер, Бобик зевнул и опустил голову на передние лапы, продолжая следить за мной из-под приспущенных век. Злая сила во мне требует действий, я поднялся, повел плечами, мышцы работают, кровь по жилам струится хорошо, разогревается быстро. Похоже, я в самом деле отоспался и почти ожил.

– Лежи, лежи, – предупредил я Бобика. – Обещаю, еще поиграем. Но не сейчас.

Он протяжно скульнул. Я поскреб ногтями по лобастой голове, за дверью послышалось шевеление, донесся тяжелый вздох. Створки приоткрылись, заглянул дворецкий.

– Ваша светлость... завтрак?

– Давай, – разрешил я и кивнул на Бобика. – Нам на двоих.

– Конечно-конечно, – заверил он. – Завтрак на четверых, так и велю...

Барон Альбрехт вошел без стука и предупреждения со стороны церемониймейстера, что непривычно и тревожно. Я подобрался, когда он приблизился и взглянул мне в лицо холодными серыми глазами. Бобик подбежал к нему и подставил голову, но барон почесал его за ухом чисто машинально.

– Сэр Ричард, – сказал он без привычных вступлений насчет «драсте» и «как здоровье», – дела плохи.

– Что на этот раз?

Он сказал холодно:

– Не может быть, чтобы вы не догадывались.

Я сказал невесело:

– Лорд Рейнфельс?

– Да.

– Не передумал?

– Более того, – ответил он, – после вчерашнего совещания собрал своих военачальников и объявил, что возвращаются в Фоссано. Немедленно.

Я стиснул кулаки и задержал дыхание. У лорда Рейнфельса двенадцать тысяч кнехтов, из них пятьсот арбалетчиков в тяжелом вооружении. Очень боеспособное войско, недаром Барбаросса держал его на границе с Армландией.

– А что с Альваром?

– Сэр Зольмс, – сказал барон, – номинально подчинен лорду Рейнфельсу. Но это не так важно...

– А что?

– Альвар Зольмс молод, – сказал барон, – потому рыцарским идеалам чести и верности следует еще ревностнее. Так что у нас к потерям двенадцати тысяч кнехтов и пятисот арбалетчиков... пусть даже их теперь чуть меньше, прибавляется потеря двух полков элитной конницы.

– Плохо.

– Это еще не самое плохое, – молвил барон.

Сердце мое сжалось.

– А что еще хуже?

Он посмотрел мне в глаза строго и испытующе.

– В еще больших сомнениях армландцы. Мы последние пять поколений только и жили мечтой отделиться от Фоссано и зажечь без проклятых заболотных королей. Только потому и подняли вас на щит, как гроссграфа! Вы взяли курс на независимость Армландии, мы с вами ее добились. Король Барбаросса фактически признал отделение. А тут вдруг бросаете ее под ноги далекому заокеанскому императору...

Я сказал с тоской:

– Барон, ну хоть вы меня понимаете? Император далеко. Зависимость от него – пустой звук! А Фоссано рядом с Армландией, король Барбаросса крут и не всегда расчетлив. Он мог послать войска усмирять Армландию не ради выгоды, а ради чести и престижа.

Он покачал головой, не сводя с меня пристального взгляда.

– Сэр Ричард, сэр Ричард... Откуда вы? Вокруг вас все живут ради чести и престижа! Рыцарство пришло в это королевство, ведомое святой целью. Это простолюдины думают, как где урвать и чем поживиться. А ваши доводы, уж простите, рассчитаны больше на простолюдинов, чем на людей благородного сословия. Я вас, стыдно сказать, понимаю, но не ждите, что вас поймут и другие рыцари.

Я вздохнул, с силой потер лоб.

– Простите, барон, вы совершенно правы... Просто я побывал в этом проклятом анклав...

Он насторожился.

– И что там произошло? На самом деле?

– Я принял верное решение, – ответил я сварливо. – Мое маркграфство – легализация наших завоеваний! Пусть в моем владении совсем крохотный клочок земли, но все равно я в Сен-Мари уже не завоеватель, а маркграф королевства!

Дверь распахнулась, слуги начали вносить еду сперва на подносах, потом уже вдвоем на просторных носилках, где красуются, исходя горячим соком и паром, хорошо прожаренные поросята, олени, вепри, горные бараны, ягнята, а также горки коричневых тушек всевозможных птиц и птичек, от огромных, как страусы, до крохотных комочков, размером с лесной орех.

Бобик смотрел счастливыми глазами и едва не потирал лапы. Барон лишь повел глазом, я сказал радушно:

– Барон, выбирайте.

Он отмахнулся.

– То же, что и вы. Или что ваш Бобик.

Я сказал повару, что сопровождал слуг:

– Барону, что и Бобику. Главное – столько же.

У повара, что старался выглядеть деревянным истуканом, по губам скользнула мимолетная улыбка. Слуги под его присмотром начали перегружать на золотые блюда отобранные нами кушанья, остальное унесли, провожаемые тоскливым взглядом Бобика, хотя у него под столом на огромном подносе и поросенок, и пара птиц, и куча мелких поджаренных тушек.

Барон ел степенно и молча, я поглощал пищу намного быстрее, удивляя его аппетитом, в голове вертелась и звенела жестяными крылышками назойливая мысль: ну вот и дождался... У крестоносного войска свои принципы. Высокие. Твердые. Благородные. А ведь подумать только, весь современный мир – не будем лицемерить – и здесь, и там создан и сформирован шайками бандитов. Это на Востоке и в Древнем Риме текла так называемая цивилизованная жизнь, а за пределами Римской империи множилось население, не знавшее ничего, кроме своего села и ближайшего леса. Так по всем необъятным и диким просторам Европы.

Но самые безбашенные, которым претило работать, собирались в шайки и грабили крестьян. А потом придумали новый способ дохода: приезжали в село и объясняли, что отныне не обидят, если им будут выплачивать столько-то и столько-то. И даже будут защищать от других разбойников, если те появятся. Это называлось «налоги».

Другие не появлялись довольно долго, не сразу распространилась идея, что можно жить и вот так, не работая, а только «давая защиту», но затем начались стычки между разбойничаящими шайками за сферы влияния, как сказали бы сейчас. Разбойники во главе со своим вожаком нападали на деревни чужих, избивали там и жгли, чтобы заставить платить дань себе. Те обращались к «своему» разбойнику, он спешил на помощь, так как позволить тому гаду взять верх – это лишиться доходов.

Постепенно шайки крепили, ставили укрепленные бурги, сперва деревянные, потом и вовсе каменные. Промысел разбойника-защитника стал потомственным, а уже дети и внуки начали гордиться тем, что не пашут землю, а постоянно упражняются с оружием. Образовалось сперва воинство, потом рыцарство.

И вот теперь, когда эти рэкетеры правят уже всем миром, когда дань собирают не с деревень, а с народов, в их собственных бескрайних владениях начали появляться шайки разбойников, что тоже начинают облагать данью крестьян, ибо власть короля простирается на такие огромные территории, что ее вроде бы и нет вовсе, а пустоту тут же заполняют мелкие рэкетирчики. Они создали свои организации, выработали свой устав и стали именоваться мафией. Таким образом, помимо правительства «наверху» везде существуют и местные тайные правительства, которые работают, увы, намного эффективнее хотя бы за счет того, что у них нет громоздкой и неповоротливой чиновничьей машины.

Так что мафия это не всегда зло. Даже для правительства это не зло, а всего лишь лучше работающий конкурент. Из стана мафии очень хорошо переманивать наиболее толковых и энергичных людей и, отмыв репутацию, делать политиками, ставить на ключевые посты в государстве.

Что, кстати, я однажды и сделал, поставив главаря шайки разбойников деревенским старостой. Надо бы этот принцип применять чаще... И на более высоких постах.

Голос барона прозвучал громко и насмешливо:

– О чем там призадумались, сэра Ричард? Даже на милую собачку внимания не обращаете!.. Про себя уж молчу.

– Простите, барон, – сказал я виновато. – Задумался. Сперва о деле, а потом, как водится, мысль ушла в сторону...

– На бабс?

– До них не успел, – признался я, – но уже был близок. Спасибо, что напомнили...

Я оторвал гусиную лапу и бросил под стол, удивляясь, как эта зверюка все пожирает моментально. Барон снова умолк и кушал медленно и аккуратно, соскребывая ножом с кости мясо и отправляя в рот маленькими порциями. Мысль снова вернулась к тому, что я все-таки простой человек, хотя и позиционирую себя постоянно как нечто замечательное и уникальное. Но вот другие могут всю жизнь или почти всю идти честно и правдиво, не говорю уже о подвижниках, а я шагу не могу ступить, чтобы не вступить... да, не вступить в это самое. Сейчас же вообще должен следить за каждым словом, каждым жестом. Черная злоба Терроса ворочается внутри и поднимает голову всякий раз, когда встречаю сопротивление, когда перчат и даже когда со мной просто не соглашаются.

Барон Альбрехт отодвинул пустую тарелку и взялся за кубок с вином. Глаза полуприкрыл, чтобы я не видел его чересчур внимательный взгляд.

– Сэр Ричард, – обронил он легким голосом, чересчур легким, – а вы после схватки с Терросом изменились, изменились...

Дрожь пробежала по моему телу, а губы сковал холод. Барон сделал аккуратнейший глоток, церемонно промокнул губы и посмотрел на меня со странной улыбкой.

– Да? – поинтересовался я как можно небрежнее и улыбнулся светски. – Что стало иначе, любопытно?

Он продолжал пристально смотреть серыми глазищами. Я ощутил нечто тянущее, словно пытается заглянуть мне в душу, а там нечто с усилием закрывает окна и двери, да еще и подпирает колом.

– Чаще улыбаетесь, – объяснил он, – говорите приятные учтивые слова. Как соратникам, так и просто... собеседникам. Раньше были куда более непосредственным рыцарем. И брякали то, что думали. По крайней мере, создавалось такое впечатление.

– А сейчас?

– Продумываете тщательнее, – объяснил он, – каждый шаг, каждый жест, каждое слово.

– Жуть какая, – пробормотал я.

– Однако так и есть, – сказал он настойчиво.

Я развел руками.

– Что делать, высокие титулы обязывают.

– Просто у вас изменения идут быстро, – сказал он, – скачком. У других растягивается на годы, а то и на всю жизнь.

Я видел в его глазах вопрос. Наивный, шас прям расскажу, что именно теперь контролирую в себе, чтоб даже не гавкнуло, не рыкнуло и вообще не поднимало голову.

– Мы шагаем скоро, – сказал я светски и снова улыбнулся. – Потому и...

– Да, видимо, – согласился он. – Просто дивные изменения. Редко приходилось видеть, чтобы кто-то умел контролировать себя... постоянно.

Я улыбнулся снова, скоро у меня это движение по растягиванию рта будет получаться автоматически.

– Благородное происхождение обязывает, как мы с вами уже говорили. А высокие титулы обязывают втройне!

Глава 9

Бобик нарезал круги вокруг меня, распуская народ сперва во дворе, потом на площади. Собор на той стороне вымощенного булыжником пустого пространства скрыт лесами, только золотой купол жарко горит и рассыпает грозные искры.

На подводах прибывают материалы, грузчики споро складывают в ровные ряды кирпич, доски, изразцовую плитку и ящики с цветной мозаикой для витражей. Руководят монахи, один подошел с поклоном, спросил, не может ли чем помочь великому майордому, еще не знают, что я то ли понижен в должности, то ли, наоборот, повышен, всяк волен толковать по-своему.

Бобик радостно гавкнул, монах машинально перекрестил это черное чудовище, я задал дежурный вопрос:

– Как работы? Справляетесь?

Он ответил с поклоном:

– Спасибо за помощь. Работников хватает, отец Дитрих платит всем вовремя. Здесь работают только за плату, увы.

– Как насчет священников?

– Все еще недостаточно, – признался он. – Хотя через Тоннель продолжают прибывать святые отцы.

– Быстро они, – удивился я.

Он взглянул на меня кротоко и перекрестился.

– Господь вас надоумил, ваша светлость, еще до вторжения в эти нечестивые земли призвать священников и монахов идти с войском или за войском. Часть задержалась, завершая дела в Армландии, но и они прибыли сюда раньше, чем закончилась война.

Я пробормотал:

– Да, я молодец... временами. Но иногда такой дурак...

Он пробормотал, не глядя на меня:

– А еще здесь из подполья вышли священники, коим запрещали отправлять службы.

– Много таких?

Он перекрестился.

– Никто не отрекся от Господа. Сейчас усердствуют больше нас, пришлых. Везде очищаются от грязи старые монастыри и строят новые, ваша светлость!

– Прекрасно, – сказал я. – Особенно вот этот ремонт... Главный собор страны должен... да, должен!

Я велел ему жестом идти со мной, он семенил короткими шажками и рассказывал, что отец Варфоломей усердствует, заставляя монахов трудиться на полях с утра до ночи, в то время как отец Дитрих сосредоточился на обучении их грамоте. Самых сметливых и быстро обучающихся приспособил разбирать под его строгим оком все те ворохи книг, которые по приказу майордома свозят в монастырскую библиотеку, ибо монастырь без библиотеки что замок без винных подвалов.

Правда, отец Варфоломей сам понял, что переборщил по молодости, и труд монахов на поле сейчас готов ограничить четырьмя часами в сутки. Остальное время – молитвы и учеба, учеба и молитвы.

Я слушал и мотал на ус, что в любом деле есть правые и левые, экстремисты и консерваторы, якобинцы и жирондисты. Отец Дитрих, похоже, занимает среднюю позицию, но вряд ли потому, что золотая середина. Церковь не стоит на месте, но научилась выбирать проходимый путь, идет медленно, однако идет, в то время как энтузиасты с места рвут в карьер и пропадают вдали, а потом, идя той же дорогой, но медленнее, видишь их в канаве с поломанными ногами и сломанными шеями.

– Где сейчас отец Дитрих?

Он указал на собор, сплошь закрытый строительными лесами. Остроконечный купол сияет золотом, туда уже подняли прямой, как меч, исполинский шпиль, только стен пока не рассмотреть из-за облепившего их дерева.

Мы ступили на вымощенную мраморными плитами площадь перед церковью, я вошел в ее исполинскую тень, мелькнула мысль, что огромный труд вложен не только в сам собор, но даже в эти ровные и тщательно отшлифованные глыбы дорогого камня. Зато строилось веками, но... и на века. Больше не требуется каждый год подновлять сгнившие венцы, перекрывать соломенную крышу, менять источенные жуками и личинками бревна в стене.

...И все это, не говоря уже о постоянных пожарах, что дочиста сметали с лица земли села и города из дерева. В каменных церквях, соборах и замках можно было, закончив со строительством, уже думать о новых планах, а не возиться постоянно с ремонтом.

В распахнутых дверях показалась сухая фигура великого инквизитора. Бобик добежал первым и запрыгал вокруг. Отец Дитрих осенил его крестным знамением.

Я заспешил навстречу, преклонил колени и поцеловал ему руку.

– Отец Дитрих, – сказал я торопливо, – спешу сообщить хорошие новости!

Он размашисто перекрестил меня.

– Говори, сын мой.

– Отец Дитрих, я побывал в Ундерлендах, – выпалил я. – Сразу сообщаю, там гораздо больше приверженцев святой церкви, чем здесь. Там даже не слыхали о черных мессах. А еще там строят церкви!

Он охнул, ошалелый и обрадованный новостями.

– Сын мой, ты прямо как ангел с добрыми вестями!.. Но как ты там оказался?

– Стремясь к прочному миру, – сказал я твердо и четко, – поспешил в Ундерленды, дабы заключить с отступившим туда королем мир, дабы не лилась христианская кровь... А, ладно, чтоб не лилась и кровь всяких прочих! Которые не христиане, тоже станут христианами, когда поставим перед выбором: крест или виселица. Однако государь император Герман Третий опередил меня и удостоил титула маркграфа, одновременно вручив мне под управление марку Гандерсгейм. Таким образом, кровопролитная война между братскими народами окончена!.. Мы с королем Кейданом уже не враги.

Простучали копыта, группа рыцарей пронеслась через площадь. Один резко остановил огромного, как бык, коня, проревел весело:

– Езжайте! Мы вернемся с сэром Ричардом!

Я нахмурился, иногда фамильярность простодушного рыцаря начинает раздражать, но улыбнулся и сказал приветливо:

– Как же без вас за столом обойдутся?

– Малость потерпят, – сообщил Растер благодушно.

Соскочив на землю, он подошел с конем в поводу к отцу Дитриху, почтительно поцеловал руку, а тот благословил рыцаря. Такие простые и чистые души угодны Господу почему-то больше, чем умные и хитрые.

Отец Дитрих снова обратил на меня ясный взор, в котором теперь проступила тревога.

– Сын мой... Кровопролитие окончилось – прекрасно! Но смущает союз с человеком, который позволил в королевстве укорениться ереси...

Я помотал головой.

– Союза нет и не будет, но теперь король и не противник... в общепринятом смысле. Как понимает народ. Во всяком случае, больше кровь в сражениях лить не будем. Отныне можно проливать только на плахе, но и в этом случае будем стараться обходиться без такой жестокости, а довольствоваться простым сжиганием на кострах, повешением, удавливанием и

прочими утоплениями. Кротко, смиренно, без пролития. Еще можно давить или ломать хребты в кожаных мешках, как делали монголы Чингисхана, дабы солнце не видело их крови.

Отец Дитрих бросил за такие подробности неодобрительный взгляд, а сэр Растер спросил деловито:

– А ночью можно?

– Ночью добрые люди спят, – огрызнулся я, – только ворье всякое бодрствует, жулики, политики и любовники. Правда, ночью вообще-то и совершаются тайные казни...

– Значит, можно, – подытожил сэр Растер. – Даже в самых-самых законах есть «но»!

– Если кротко и смиренно, – напомнил я, – и очень хочется, то можно.

Отец Дитрих проговорил медленно:

– И что же, сын мой, ты вынужден прекратить священную войну за веру?

– Ни в коем случае! – возразил я пылко. – Первая часть войны за души выиграна. Мы показали, что воины Христа не подставляют левую щеку, а бьют раньше, чем получают по правой. Теперь ваша война, отец Дитрих!.. Священникам нигде не смеют чинить препятствий. Черные мессы зародились не потому, что их велел ввести король Кейдан. Все гораздо хуже, святой отец. Слишком много душ поддались уговорам дьявола жить проще и беззаботно, а это всегда приводит к пропасти! Не думаю, что король или кто-то станет защищать подобных людей...

– ...открыто, – вставил сэр Растер глубокомысленно.

– Точно, – согласился я. – Открыто никто не рискнет. А вот мы правы, потому нам скрывать нечего. Кроме того, что скрывать надо. А раз не скрываем, то у нас возможностей намного больше. Конечно, в первую очередь мы должны проповедовать наш благочестивый образ жизни, а выжигать язвы лишь тогда, когда жизнь по Христу активно отрицают.

Сэр Растер шумно поскреб в затылке.

– А как узнать? Или убивать всех, а Господь разберет?

Я вздохнул, обращаясь к отцу Дитриху:

– Насколько человечнее, это я понимаю, не уничтожать черномессенцев и прочих еретиков, но попытаться вернуть в лоно церкви!

– Истинно молвишь, сын мой, – сказал отец Дитрих растроганно.

– Ведь, – продолжил я, – если человек, не зная дороги, заблудится среди вспаханного поля и слегка потопчет посевы, лучше вывести его на правильный путь, чем с яростью выгонять с поля палкой! Но это в идеале, однако живем в грубом мире, потому меч и плаха пока что лучший способ борьбы с перхотью.

Отец Дитрих грустно умолк, сэр Растер довольно хохотнул.

– Зато в Сен-Мари легче выйти в люди, чем в Армландии, если не боитесь испачкаться! Здесь недостаток совести обычно компенсируется денежным достатком... ха-ха!

Отец Дитрих сказал сэру Растеру ласково:

– Возвращайся, сын мой, к своим боевым товарищам. Нам с сэром Ричардом нужно обсудить скучные для тебя духовные дела, ибо паладинство – тяжкая ноша.

Сэр Растер откозырял, хотя на лице отразилась острая жалость, – что-то явно тоже хотел сказать наедине, – взобрался в седло и ускакал. Бобик посмотрел вслед с жалостью и вздохнул грустно. По-моему, он воспринимает могучего рыцаря как хорошего напарника, с кем так хорошо охотиться в лесу и ловить рыбу в ручьях.

Я чувствовал, как между мной и отцом Дитрихом растет напряжение, наконец великий инквизитор спросил, не глядя на меня:

– Странные слухи доходят до меня, сын мой...

– Обо мне? – спросил я напрямик.

– Да, сын мой.

Сердце мое начало стучать чаще и сильнее.

– На всех бывает поклеп, – ответил я, – а что именно вас удивило?

– Удивило и повергло в смятение, – сказал он строже, хотя голос оставался тихим и полным доброжелательности, но я чувствовал, как просыпается в отце Дитрихе великий инквизитор. – Ты отбыл в Ундерленды, я не успел спросить, что за слух пошел, будто мы прекращаем войну против нечисти.

Я чувствовал, как все внутренности завязываются в тугий узел, стало тяжело дышать. С трудом продохнул и сказал как можно убедительнее:

– В Священном Писании сказано: нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос. Применяя эту всеобъемлющую формулу к нашей действительности, скажу весьма предерзостно с точки зрения большинства несведующих: нет ни человека, ни эльфа, ни тролля, а все – живые и чувствующие существа, и во всех – Христос! Потому нужно относиться одинаково: злым – палкой по голове вне зависимости от цвета кожи и вида, добрым – по большому прянику. И неважно, какая лапа тянется к этому прянику: трехпалая и с перепонками земноводная, утонченная и в перстнях эльфячья или же грубая человечесья.

Он слушал очень внимательно, уже привык, что я не совсем дурак, а где и дурак по молодости, там меня спасают умные книги, которых я прочел, судя по всему, столько, что непонятно, как не сдурел.

– Сын мой, – произнес он с холодком, – боюсь, тебя не поймут.

– Знаю, – ответил я горько, – сказали бы мне такое недавно, сам бы такому в рожу плюнул! А потом бы еще и на костер за такие речи.

– Так что же...

– Просветление, – сказал я твердо. – Ангел небесный или голос с небес, но внезапно уразумел я, что в самом деле Христос везде и во всем, а не только во мне, любимом и замечательном. Только не все его принимают, не все признают, не все даже видят... Но здесь не должно быть исключений: смерть еретикам, язычникам и всем-всем, отрицающим нашего Господа!..

Он кивнул.

– Мы это делаем.

– Но сперва нужно, – сказал я с жаром, – принести свет Христова огня в души троллей, гоблинов и эльфов. Господь нас не простит, если не попытаемся!

Он покачал головой.

– Не примут.

– Тогда уничтожим, – сказал я жестким голосом. – Но будем справедливы ко всем! Это нам зачтется на Страшном суде. Уничтожим тех, кто отринул Христа, а не просто троллей или эльфов. Господь, создавая мир, передал его человеку и велел заботиться о нем. И о всяком дыхании.

Он вздохнул.

– Звучит прекрасно.

– Значит?..

– Сын мой, сам понимаешь, такое неосуществимо.

– Не можем послать миссионеров?

– Тролли не примут слово любви и милосердия, а это и есть Христос.

Я возразил:

– Мы тоже не всегда милосердны, а любовь из нас так и хлещет!.. Во всяком случае, должны попытаться. Если тролли откажутся, это их выбор, а не наш. Наша совесть будет чиста. Конечно, нужно не просто крикнуть им издали насчет принятия веры в Христа, а долго разъяснять основы... Ведь и люди не сразу принимают! Так что троллям нужно как минимум втолковывать столько же времени. И столько же приложить усилий.

Он задумался, я видел, как лоб пошел глубокими морщинами. Отец Дитрих долго молчал, а я не решался даже хрюкнуть, вспугивая, как дурных бабочек, святые мысли.

– Хорошо, – произнес он наконец с сомнением, – я доложу обо всем в Ватикан. Хотя, должен признаться, шансы у тебя невелики. Более того, в Ватикане твоя репутация пошатнется. А то и рухнет.

Я благочестиво перекрестился и поцеловал ему руку.

– Лишь бы я был честен перед Господом.

Глава 10

Зайчика вывели двое дюжих конюхов, оба вынужденно улыбались, когда арбогастр вскидывал голову и с легкостью приподнимал их в воздух. Я похлопал его по шее, он фыркнул и с недоверием обнюхал меня. Я вскочил в седло и направил к воротам.

По вытянутым коридорам улиц столицы течет непрерывная река из подвод, всадников, пешеходов, уличных торговцев, на балконах красивые женщины с любопытством рассматривают людей внизу, яркое солнце жжет плечи, а тени настолько призрачные и легкие, как кисея, что и не тени вовсе, а так, хрень какая-то.

Я проехал на другой конец города, если и придется поселиться здесь, то не рядом с Кейданом. Пусть в столице будут два центра притяжения. Этот район расположен немного выше, дома добротные, хотя не дворцы, не дворцы. С другой стороны, можно подать как демократичность, близость к народу... Нет, не оценят. Сочтут признаком слабости. Сила должна быть зримой и выражаться ясно и понятно.

Я медленно ехал по торговым рядам, что-то их слишком много, словно вся столица превращена в гигантский базар. Чем-то мне королевство Сен-Мари очень уж напоминает Венецию. Для тех тоже коммерция и прибыль вышли на первые места, а религия очень быстро теряла значение. Венецианцы говорили, бравируя своей смелостью и раскрепощенностью: «Siamo Venetiani, et poi Christiani», что значило «Прежде всего мы венецианцы и уже затем – христиане».

Церковь бесконечно добра и милосердна. Я бы на ее месте уже переполовинил человечество. Даже расчетверил. Да и того мало, если учесть, что в каждой семье, будь это богатая или бедная, рождается, в среднем, по десять-пятнадцать детей. Если эти дураки не будут истреблять друг друга в бесконечных войнах, через два-три поколения они покроют сушу и даже море, а еще через пять будут сидеть друг у друга на головах в четыре этажа. Сколько дураков... нет, это невозможно, господь не дурак, меры принял.

Но это стихийный путь, чересчур дикий, надо взять в руки неуправляемый процесс. Истреблять всяких там негодных, а не пускать все на самотек, когда самоистребляются как ни попадя. Сейчас гибнут самые совестливые, умненькие, ботаники, что драться умеют хреново, им бы думать и мыслить вволю, паровозы да монгольфьеры придумывать, да еще бессемеровскую выплавку стали, которая мне сейчас, увы, еще как понадобилась.

– Сэр Ричард, – послышался робкий голос, – простите, что прерываю ваши благочестивые мысли...

Я оглянулся, на меня с бледной улыбкой смотрит Куно Крумпфельд. С ним еще двое так же вызывающе скромно одетых человека, при одном взгляде вспоминаешь канцелярских крыс. Кланяются намного ниже Крумпфельда, ясно, не бароны, в глаза мне стараются не смотреть, словно я горилла.

– Да-да, – согласился я, – именно благочестивые и самые что ни есть богоугодные. У тебя здесь канцелярия?

Он покачал головой.

– Для особо щекотливых договоров я сам выхожу на места.

– Зажрались местные, – сказал я с неудовольствием. – Ишь, королевского советника вынуждают... Мало мы им спеси сбили. Еще разок устроить охоту на ведьм, что ли...

Он сожалеюще развел руками.

– Увы, сэр Ричард.

– Что, не получится?

– Нет.

– Почему?

Он покачал головой.

– Небольшая юридическая тонкость... даже правовая. Свои города никакой правитель грабить не вправе. Тем более бесчинствовать. Этого не потерпят ни горожане, ни лорды страны. Такое чревато бунтом и потерей трона. Именно потому захваченные города некоторое время считаются еще принадлежащими противнику. От трех суток до недели. Вы, конечно, понимаете скрытый смысл?

Я кивнул.

– Да-да, конечно. Трое суток на грабеж, когда в городе противника можно делать все. Все должно делаться по правилам и в рамках закона. Даже массовые изнасилования, грабежи и убийства.

Он посмотрел с хитрой улыбочкой.

– Вы сами воспользовались очень эффектно, когда истребляли черные мессы и все, что касалось хотя бы краем.

Я буркнул:

– Когда лекарь вырезает гниющее или зараженное место, он прихватывает и часть здоровой плоти, чтобы полностью обезопасить тело. Но сейчас уже правят законы, увы.

Он развел руками.

– Жаль, что не воюете. Можно было бы отдать противнику столицу на пару дней, потом снова забрать и... по праву войны в чужом городе...

– Не воюем, – согласился я, морщась. – Барон, вы наступили на больной мозоль. Геннегау придется отдать королю. Это столица королевства, а не маркграфства.

Он сказал осторожно:

– Да, конечно... Но в данном случае я бы посоветовал не вносить ясность... как вы любите. Во всяком случае, не торопиться. Вам лучше побыть с неопределенным статусом... хотя да, он определен, но маркграф вы только для императора. Для Кейдана вы по-прежнему лютый враг, для нас – майордом. Давайте пока затягивать любое прояснение ситуации!

Я вздохнул.

– Дворец все-таки придется отдать. Это его личное имущество.

Он подумал, развел руками.

– Хорошо, отдадите... Но надо и свой дворец отгрохать! Или занять готовый.

– Зачем?

– Иначе столица вся будет под властью Кейдана, – пояснил он. – А так всякий увидит, что король королем, но реальная власть у вас, сэр Ричард. Дворец будет постоянным напоминанием, что, кроме Его Величества, в столице присутствует и другая сила.

Я фыркнул:

– Думаешь, зачем я сейчас на природе? Вот смотрю, смотрю... И пока ничего подходящего не вижу. Подходящего, чтоб отнять по закону.

– По закону?

– Ну, да, закон – это мы, не так ли?... А строить больно долго.

Он закусил губу, подумал.

– А что, если переговорю со знатными вельможами? Вдруг кто согласится уступить вам свой дворец? Или хотя бы на время? За какие-то льготы?

– А за деньги? – спросил я.

Он отмахнулся.

– Золота у знати хватает. А вот льготы заинтересовать могут.

– Хорошо, – сказал я, – только торгуйся. И сам ничего не решай, сперва доложи, что желают. А то вдруг захотят, чтоб я повесился!

Он вскрикнул, даже ладони у груди сложил, как в молитве.

– Что вы, сэръ Ричард! Я сам сто раз все перепроверю, и вы еще со своими людьми посоветуйтесь на всякий случай!

– Советоваться, – сказал я, – это искать чужого одобрения уже принятому собственному решению. Но я мудр, и потому советуюсь сперва, а уж потом выбираю лучшее решение и велю на него равняться. Естественно, оно считается моим, принятым в глубоких раздумьях о судьбах страны! Но это естественные и простительные мелочи, для благосостояния народа абсолютно неважно, кто первым сказал «а».

Он сказал с робкой улыбкой:

– Но для авторитета государя это немаловажно.

– Короля играет свита, – согласился я. – Потому я заинтересован, чтобы свита была огого. И умная, и хитрая, и красивая, и честная. Со мной, по крайней мере. Так что занимайся подготовкой новой резиденции... маркграфа.

Он посмотрел искоса.

– А майордома?

– И майордома, – согласился я. – Маркграф – официально по королевству, майордом – по моему войску. Посмотрим, как они уживутся.

Он проговорил с запинкой:

– Меч в руке... порождает... власть. Ваше войско подчинено вам. Его Величество может снова созвать отряды, но Его Императорское Величество будет недоволен новой войной... К тому же вряд ли вы возьмете и выведете свои гарнизоны из захваченных крепостей и замков. Или добровольно передадите их королевским войскам.

Я не слушал, обратив все внимание на поднявшийся впереди по улице крик, шум. Из окон домов выглядывали жильцы и тоже орали и показывали вниз пальцами. Через некоторое время из переулка вышла целая группа, в середине туго связанный красивый мужчина с ярким дерзким лицом и веселыми глазами. Толстая веревка обвивала его тело от плеч и до бедер, прижимая руки к бокам, но он улыбался, на сбежавшуюся толпу поглядывал с веселой иронией.

Я поставил коня поперек дороги, вскинул руку.

– Всем стоять!.. Вам не надо объяснять, кто я?

Испуганные люди поспешно опустили на колени. Голос мой грозен, и облик свиреп, только связанный не шелохнулся, рассматривал меня с прежней веселой дерзостью в глазах.

Оглядев всех, я после паузы жестом велел всем встать, спросил у командира городских стражников:

– Что за переполох?

Он ответил с гордостью:

– Схвачен самый ловкий вор королевства!.. Он называет себя царем воров.

Из толпы крикнули:

– Не зря называет!

– Он неуловим!

– Он всегда убегает!

– Он даже в королевской сокровищнице побывал!

Я вскинул руку, голоса послушно оборвались. Я кивнул командиру.

– И что ему грозит?

– Пожизненное заключение, – ответил тот.

Я удивился:

– Так сурово? За убийство и то меньше дают. А здесь всего лишь за воровство?

Он сказал с возмущением:

– Это уже седьмая поимка!.. Он все равно никогда не сидел в темнице больше месяца.

– Почему? – спросил я. – Раньше давали так мало?

– Нет, – сказал командир беспомощно, – эта сволочь всякий раз убегала!.. И снова ворует, бесчестит, надругивается.

Я подумал, сказал с достоинством великого правителя:

– Я не Соломон, я майордом волей моего войска и маркграф волей Его Императорского Величества. Потому решу по-простому. Эй ты, иди сюда!

Громадного роста стражник, на которого я указал пальцем, вздрогнул и подбежал ко мне светливой рысью, комичной при его массивной фигуре. В одной руке он нес на локте круглый щит, в другой держал тяжелый боевой молот.

– Слушаю, ваша светлость!

Я указал на связанного вора.

– Ты местный?

– Да, ваша светлость!

– Значит, всех знаешь. И этого?

– Да, ваша светлость!

– Скажи, он так с детства и родился воров?

Стражник замотал головой с таким усердием, что уши захлопали, как у большой охотничьей собаки.

– Что вы, ваша светлость! Он в молодости был хорошим сапожником! Очень хорошим.

– Скажите на милость, – приятно удивился я. – Даже хорошим?

– Да, ваша милость! – заверил стражник. – И отец его был сапожником, и дед, а также трое дядей...

– Отлично, – сказал я с облегчением. – Нельзя хорошего мастерового в темницу, это негуманно. Нужно обеспечить ему возможность заниматься любимым делом... или хотя бы таким, что приносит пользу обществу. Надо позаботиться, чтобы он мог шить хорошие сапоги. Руки у него ловкие, а вот быстрые ноги сапожнику ни к чему. Ты все понял?

Он взвесил в руке молот, поколебался, глядя в мое лицо, нерешительно кивнул.

– Вроде бы...

– Действуй, – сказал я подбадривающее. – Обе коленки... Ну!

Мой голос ударил его, как кнут. Никто еще не успел ничего понять, а страж ударом ноги сзади под колени подсек связанного, тот грохнулся навзничь. Молот взвился в воздух, словно подброшенный вулканом, и тут же с большой скоростью опустился. Удар пришелся связанному по колену, раздался сочный хруст, который услышали даже выглядывающие из окон.

Умелый вор дико завопил, забился в путах. Стражник взглянул на меня, побледнел. Я кивнул подбадривающе и указал на другую ногу.

– Сапожнику и одна ни к чему. Кожу и дратву принесут на дом. Инструменты – тоже.

Стражник с облегчением и очень недобро улыбнулся, с силой ударил молотом по другому колену. Раздался сочный хруст, словно переломили молодой початок кукурузы. Вор бился в путах, захлебывался криком, слезами, корчился в агонии.

Я повернул коня.

– Как хорошо себя чувствуешь, когда помогаешь людям! Не правда ли, сэра Куно?

Куно зябко передернул плечами.

– По мне так гуманнее просто повесить.

– Да, – согласился я, – но дело не в этом короле воров. Суть наказания в предотвращении других преступлений. А лучший в стране вор с перебитыми коленями на виду у горожан – хороший пример для других, чтоб жить по закону. Такими добродетельными становятся, когда мимо такого орла ходят!

– И с облегчением вздыхают, – сказал Куно, – что у них ноги пока еще целые.

Я благочестиво перекрестился.

– И все без пролития крови. Как хорошо жить в ладу с совестью и церковными предписаниями!

Он застыл на целую минуту с открытым ртом, потом пролепетал:

– Да... в ладу с совестью... Очень любопытно...

– Готовь юристов, – напомнил я. – Предстоит еще одна война, уже канцелярско-дипломатическая...

Зайчик уловил мое нетерпение и понесся в сторону окраины, где много свободного места под застройку. Мы проехали через улицу, сплошь заставленную с двух сторон лавками с диковинными ювелирными украшениями, настолько разнообразными, что даже у меня, равнодушного к таким вещам, разбежались глаза от удивления: ну и фантазия у людей, вот бы ее на благие дела...

Впереди последние дома, дальше город обрывается, земля утоптана под многочисленные дороги, даже трава вбита в землю, а сады и пашни начинаются за полмили, не ближе. На окраине, где места вдоволь, народ складывает кучу хвороста поверх вязанок дров, а на невысоком грубо сколоченном помосте высится столб, к которому уже привязали человека.

Глава 11

Сердце мое сжалось, совсем недавно вот так же и меня, но здесь другое дело. Капризы имеет право являть только майордом, а вообще сжигание на кострах практикует только наша миролюбивая церковь, чтоб не проливать крови, как и сказано в Священном Писании.

Народ собрался оживленный и довольный, как-никак зрелище, казнь всегда собирает людей больше, чем самые лучшие актеры или певцы, танцоры, музыканты. Еще интереснее, когда рубят головы или четвертуют, тогда палач берет отрубленную голову и поднимает повыше на обозрение орущей от восторга толпе. Еще и ходит по помосту и показывает на все четыре стороны, чтоб все получили удовольствие. Еще интереснее, когда четвертуют, тогда демонстрирует каждую отрубленную конечность.

Я спросил одного очень деловитого и хозяйственного, что все укладывал хворост покрасивее, взбегал на помост и поправлял заботливо изорванную и в темных пятнах рубаху приговоренного:

– За что его?

– За богохульство, ваша светлость, – ответил он приподнято.

– Кто приговорил?

– Отец Ведерий. А отцы Лампадий и Велевий поставили подписи, что согласны.

– Благое дело, – согласился я. – Плесень надо выжигать пламенем нашего праведного гнева.

– Истинные слова, ваша светлость! – воскликнул он радостно.

Я подъехал к помосту вплотную.

– Эй ты! Зачем хулил веру Христа? Чем тебе плоха святая церковь?

Он медленно повернул в мою сторону голову, лицо в кровоподтеках, левый глаз заплыл так, что там одна сплошная опухоль, а губы как вареники.

– Я не хулил... – проговорил он с трудом.

Я нахмурился.

– Хочешь сказать, что трое священников тебя просто так на костер? Потому что ты у кого-то из них козу увел?

Он произнес хрипло:

– Я говорил везде, что наша земля вовсе не на слонах или китах... Это большой шар... а звезды совсем не серебряные гвоздики в хрустальном небосводе...

Внутри меня оборвалось, даже дыхание пресеклось. Я тупо смотрел на этого дурака, ну что за идиот, как такое можно говорить простому народу, для них земля всегда останется плоской! Всегда, при любой степени технического прогресса.

Он скользнул по мне мутным взглядом, голова повисла на грудь. Я повернулся в седле. Народ теперь опасливо смотрел больше на меня, чем на еретика, его время настанет чуть позже, когда подожгут хворост, а таких вот огромных мужчин на огромных конях увидишь не часто. Можно будет похвалиться, что совсем рядом видели могучего майордома, завоевавшего королевство...

– Где отец Ведерий? – спросил я требовательно.

Мне торопливо указали на спешащего от ближайших домов священника. Маленький, худой, изморенный постами или свалившийся работой, бледный и запыхавшийся, он сам вызывал сочувствие и жалость, но я подавил чувство сострадания и спросил надменно:

– Отец Ведерий?

Он торопливо поклонился.

– К вашим услугам, ваша милость!

Я спросил с укором:

– Что же вы, святой отец, не присутствуете на казни? Святая церковь велит, чтобы вы ловили последнее дыхание осужденного и могли дать ему отпущение грехов, если он возжелает покаяться в смертных грехах!

Он снова поклонился, застенчивый и от кончиков ушей и до пяток стоптанных башмаков виноватый:

– Присутствую, ваша милость! Но не мог оставить тяжелобольных. Мы и лекари, увы, а еще сам принимал роды... куда-то повитухи исчезли.

– Знаю, – сказал я, – работы много. Сейчас через Тоннель идет помощь. Монастыри из Фоссано и Армландии направили несколько сотен священников, миссионеров и монахов. Будет легче. А пока держитесь... Этого за что?

– Хулил Господа, – ответил он строго. – Говорил, что Земля круглая, звезды такие же острова земли, плавающие в волнах эфира, и всему этому миллионы лет, а не восемь тысяч лет от сотворения мира, как сказано в Писании... и что Господь не мог сотворить за семь дней мироздание...

– Дурак, – сказал я. – Это просто дурак, а не хулител. Он просто не понимает, что день Господа может быть равен миллионам наших лет. Но похвально, что доискивается тайн мироздания, а не просиживает в таверне, пропивая последние деньги и продавая из дома утварь. Господу угодны такие люди!.. Потому я прошу освободить его от оков и сожжения.

Священник вскрикнул:

– Но... еще двое священников проверили показания и подписали приговор!

Я отмахнулся.

– Такие же заморенные работой, у которых десять дел вместо одного. Подписали, не особенно вникая, в чем обвиняют. Я переговорю с великим инквизитором, да вы и сами можете обратиться к отцу Дитриху. Мы с ним все важнейшие вопросы решаем вместе. Светская и духовная власть идут вместе, так сказать, пусть враги наши видят! Еще и Храм Христа Спасителя построим, чтоб единение церкви и власти было зримо и весомо, как водопровод, построенный еще рабами Рима... И мы с отцом Дитрихом помним слова Господа нашего, что чернила мудреца так же драгоценны для него, как и кровь мученика!..

Я постарался сделать свой голос могучим и гремящим, подпускал в него нотки мстительной обрекаемости, мол, кто осмелится идти против самого Господа, сейчас вот через меня говорит сам Бог, я цитирую его слова дословно! Правда, это сказал Аллах Мухаммаду, но по большому счету какая разница, источник у Корана и Ветхого Завета один.

Народ притих, лица обращены ко мне, везде вижу круглые глаза и морщины на лбах от желания понять, что же я сказал такое, что священники растерялись и разводят руками. Я властным взмахом послал одного из добровольных помощников на помост, но тот мялся и не решался коснуться веревок приговоренного.

Я вытащил меч из ножен и двумя точными ударами разрубил веревки. Осужденный наконец зашевелился, руки задвигались, острые локти впервые высунулись наружу.

Я сказал ему строго:

– Господь дал нам разум и душу, но не научил пользоваться, это должны мы сами. Ты сделал большую ошибку, решив, что мир создан без воли Господа. Это он сотворил и землю, и звезды, и всю вселенную, которая намного больше и объемнее, чем ты думаешь!.. Иди и не грешь больше. Твоя дурь не от знания, а как раз от его малости, от детского бунтарства. Когда постигнешь умом больше, узришь во всем волю Творца. Иди!

Он судорожно сбрасывал веревки, на лице отчаянная надежда. Народ разочарованно зашумел.

Я повернулся в седле к растерявшемуся священнику:

– Продолжай работу, отче!.. Ересь и враждебное надо выжигать, ты прав. Просто иногда вместе с врагами попадает и вот такой дурак, сам не понявший, что он должен быть с нами...

Осужденный, сильно хромая и кривясь, сошел по ступенькам. Он смотрел на меня как на чудовищно опасное животное, что, пробегая мимо, нечаянно освободило его из ловушки, однако держался к Зайчику поближе, остальные для него еще страшнее.

– Иди рядом, – бросил я высокомерно.

Мы удалились, оставив разочарованную толпу, я оглянулся и крикнул священнику:

– Чтоб добро не пропадало, сожгите на нем какого-нибудь вора или насильника!

Спасенный шел рядом с конем, все еще хромая и кривясь, каждый шаг дается с трудом, но спешил уйти подальше от опасного места. Я поглядывал на него сверху вниз, волосы спутанные, с темными ключьями слипшихся в невообразимое месиво, одно ухо надорвано, кровавые кровоподтеки на плечах и по всему телу, проглядывающему в широкие прорехи ветхой одежды.

– Все гении, – проговорил я, – отрываются от народа и не понимают реальности... но чтоб настолько?.. В общем, переселю я тебя, братец, в монастырь.

Он охнул.

– Ваша милость, почему в монастырь? Я ж не монах...

– Ваша светлость, – поправил я, – а не какая-то вшивая ее милость. В монастырях не только молятся, но и науку двигают. Научное мышление разрабатывают.

– Это... как?

Я пояснил:

– Если придумал дурацкую шуточку – можно сразу в народ, а если теорию всемирного тяготения – то зачем это простым людям? Чтоб на костер побыстрее? Такое надо рассказывать таким же, как и ты. Даже если не поверят сперва, то возражать будут по-умному, а не сразу палкой по голове... А они сейчас в монастырях, куда простому народу... да и благородному тоже – вход запрещен. Это понял?

Он поглядывал снизу вверх угрюмо, под сдвинутыми бровями вспыхивают в глазах то огоньки надежды, то недоверия, больно у меня рост и плечи, да и держаться я уже научился не просто благородно, а очень благородно.

– Ваша ми... ваша светлость, – спросил он робко, – я в самом деле там смогу говорить, что Земля круглая?

– Сможешь, – заверил я. – А тебе там скажут тоже... что-нить необычное.

Он охнул.

– Это что ж... там психушка?

Я засмеялся.

– Все умники для простого народа – сумасшедшие. Чокнутые. Как профессор, так и чокнутый. Вот грузчиков чокнутых не бывает, зато... ладно, топай вон в собор, там с отцом Дитрихом трудится маленький такой священник по имени Велисарий. Но это он ростом мал, а так гигант! Скажи, что я прислал. Он даст тебе кров и пищу, а главное – доступ к самой большой в стране библиотеке. Правда, она еще не рассортирована.

Он слушал меня зачарованно, даже рот открыл, совсем не похож на человека, открывающего закон всемирного тяготения. Спросил, спохватившись:

– Ваша светлость, а вам за это ничего?

– За что?

– Меня на костер не какой-нибудь деревенский староста... Церковь! А вы меня с костра в монастырь, это ж прямо в самое осиное гнездо.

Я отмахнулся.

– Тебя не церковь, а какой-то попик, слишком замороженный кучей дел, чтобы в каждом разбираться досконально. Кадров не хватает, в королевстве столько навоза, каждый священник и монах работают за десятерых! Вы привыкли жить в дерьме, а мы из-за Хребта пришли чистенькие... Словом, была простительная ошибка, мелкий сбой, на костер отправили невин-

ного или недостаточно винного. В масштабах страны, конечно, пустяк, но для тебя, думаю, не все равно.

Он сказал торопливо:

– Не все равно, ваша светлость, не все равно! Мне еще доказательства собрать надо, да и вообще жить что-то хочется.

– Вот и поживешь, – закончил я веско, – в монастыре. Тебе свою идею только уравнениями доказывать можно, а не так, что, мол, верьте мне, люди!

Он насторожился.

– Что такое уравнения?

– Заеду в монастырь, – пообещал я, – покажу. А так идея у тебя верная, только не тем людям брякаешь. Разве не смеются: а как же там внизу вверх ногами ходят? И почему не падают в небо?

Он охнул.

– В самом деле спрашивали... откуда вы знаете?

Я сказал хладнокровно:

– А всегда так спрашивают. Думаешь, ты первый? Потом еще узнаешь, что звезды – не плавающие в эфире острова с землей, а такие же солнца, как наше, только очень далеко...

Я подмигнул и, не дожидаясь реакции, толкнул Зайчика. Мы стрелой понеслись по улице, а спасенный от костра остался с широко раскрытым ртом и выпученными глазами. Думаю, последней фразой зацепил его так, что теперь сам будет ломиться в монастырь и умолять принять на любых условиях.

Глава 12

Опередив меня, с другой стороны к дворцу подскакали на резвых конях сэр Растер и сэр Макс. Макс прыгнул, тугой и упругий, Растер слез, как ледник с горного хребта, тяжело и солидно. Слуги у них взяли коней, торопливо подошли придворные, спеша засвидетельствовать уважение близким к майордому людям. Я с интересом смотрел, как Растер, заметив среди них двух дам с низкими вырезами платьев, довольно приосанился и потер ладони.

– Ну, – сказал он густым голосом, – меня вы знаете, а это вот мой друг сэр Максимилиан. Неустрашимый и отважный воин, способный устроить врагов одним своим появлением! Но битвы затихли, сейчас он приводит в ужас мужей сенмарийских знатных дам.

Дамы смотрели на него с интересом и обещающе улыбались. Макс смутился, на щеках вспыхнул жаркий румянец.

– Ну что вы, сэр Растер, – проблеял он стыдливо. – Я же совсем не!.. Я никогда не позволю себе ничего лишнего...

– Зря, – укорил Растер. – Если позволяют все, то почему ты – ничего? Непорядок! Это неуважение к женщинам. И особенно к той даме, что вчера перед тобой уронила платочек.

Макс сказал жалобно:

– Какой платочек? Я не видел никакого платочка!

– Зато увидел сэр Болдуин, – сказал сэр Растер сварливо. – И поднял!.. А это оскорбление. Никто не смеет поднять платок, оброненный женщиной, кроме того, для кого это обронено. Так что ты должен вызвать сэра Болдуина на поединок.

Макс пробормотал:

– Я? За что?.. Он мне ничего не сделал...

– Вот именно, – сказал Растер. – Он украл у тебя возможность сделать!

Я прыгнул с коня, конюх поймал повод на лету, навстречу мне кланялись пышно одетые люди, уже начинаю запоминать их лица, вскоре, того и гляди, начну одних приближать, других отдалять, войду в привычную жизнь властелина и сатрапа.

Обняв Макса за плечи и отрывая от Растера, я повел к ступеням дворца. Растер, правда, тут же нашел себе другое занятие, никогда не бывает без дела и никогда не отдыхает, а две дамы с вырезами – это еще то занятие, Макс же держится со мной стесненно и застенчиво, все время помня, что я – майордом и гроссграф, а он всего лишь виконт.

Я понял ход его мыслей, они всегда у него крупными буквами на лбу, похлопал по плечу.

– Я велел подобрать для тебя свободные земли, Макс. Как только Куно предоставит перечень, быть тебе бароном!

– Сэр Ричард! – вскричал он больше испуганно, чем обрадованно. – Это слишком большая честь!

– Ничуть, – возразил я. – Кстати, почему не пируешь?

Он застенчиво улыбнулся.

– Да просто не люблю...

– Что-то случилось?

– Нет, но плохо мне становится раньше, чем хорошо.

Я понизил голос:

– Только никому не говори, мне... тоже. Но тебе хоть можно уваливать, а мне государственные обязанности велят чаще бывать на мероприятиях, здесь именуемых пирами.

Он посмотрел на меня с изумлением, затем ответил так же тихо:

– То-то вы так часто исчезаете из дворца!.. Здесь же постоянно эти... мероприятия!

– А чаще, – сказал я со вздохом, – прития без меры.

Он остался в холле, постеснявшись идти со мной, когда вроде бы нет срочного дела, я шагал один, чувствуя, как холодная лапа стискивает сердце. Похоже, здесь уже узнали о моем маркграфстве, залы наполовину опустели, самые осторожные и предусмотрительные спешат исчезнуть.

Бобик первым влетел в распахнутые двери и пропал в прохладе холла. Я вошел следом, впереди раздался зычный голос церемониймейстера, что, дескать, приближается его светлость майордом, и когда я заходил в очередной зал, там уже спешно кланялись выстроенные в две плотные шеренги придворные и приближенные старого режима.

В последнем, большом, зале их втрое больше, здесь наиболее знатные и родовитые, глаза режет блеск бриллиантов на женщинах и золотых украшений на мужчинах. Из драгоценных камней последние предпочитают рубины, но немало и сапфиров, аметистов, карбункулов в основном – на перстнях, брошах и на поясах.

В центре одной группы придворных мелькнул малиновый камзол барона Альбрехта. Я крикнул, без надобности привлекая внимание, все и так повернули головы в сторону пока еще всесильного майордома, помахал рукой.

– Барон, можно вас на минутку?.. Если, конечно, не очень заняты. А то без вас не обойтись.

Барон Альбрехт ответил учтиво:

– Для вас, сэр Ричард, я свободен всегда.

Перед ним почтительно расступились, барон вышел ко мне, глаза смеются, польщен, хоть и понимает, что нарочито подчеркиваю уважительное отношение, тем самым у него будет больше влияния на местных вельмож.

Я взял его под руку.

– Проводите меня, барон. Есть вопросы.

– К вашим услугам, сэр Ричард!

– Вживаетесь в местную жизнь? И какие впечатления?

Он сказал невесело:

– Нерадостные.

– И у вас?

– А что я, – ответил он сухо, – вижу, времена изменились. Здесь торговцы и адвокаты взяли верх над рыцарством.

– Мы повернем время вспять, – заверил я.

– Вспять?

– До нужной точки, – объяснил я. – И потом пойдем вперед в будущее уже по рыцарскому пути.

– И сметем всех?

– Главное в нашей жизни, – сказал я, – не смерть противника. Или даже врага. Главное – победить Зло.

Мы прошли мимо группки женщин, они присели в низком, как перед королем, реверансе, давая мне возможность заглянуть в их предельно глубокие декольте, настолько низкие, что отчетливо вижу выступающие алые краешки, словно солнце поднимается из-за горизонта.

Барон заметил, как я задержался взглядом, да еще и повел головой, смолчал, но когда отошли достаточно далеко, прошипел, как рассерженная змея:

– Сэр Ричард!

– Да, барон?

– Вы же сто раз говорили, – сказал он обвиняюще, – настоящий мужчина не должен увлекаться женщинами!

– Абсолютно точно, – согласился я. – Я это всякий раз говорю себе, вылезая из теплой женской постели. Искренне говорю, с жаром сердца!.. И клянусь держаться. Но как вспомню

царя Соломона... Между прочим, он считался самым мудрым на свете. Так вот этот самый мудрый составил себе самый огромный гарем на свете! Тысячу жен. Это не считая наложниц.

– Ого, – воскликнул он пораженно. – Тысячу? Одних жен?

– Да, – ответил я со вздохом. – И около десяти тысяч наложниц. Вот и ломаю голову. Понятно, мудрому и двух лядей уже много. Но то ли не мог удержаться, а... быстренько поддавался слабости, а потом быстро-быстро снова становился мудрым, то ли ходил в гарем играть в шахматы. В смысле, скажет всем, что в гарем, а сам через него в библиотеку, а то среди бабс и остатки мудрости растеряешь... Как, впрочем, у него и получилось.

Он посмотрел на меня встревоженно.

– Вы уж держитесь, сэра Ричард! На вас так много завязано. За лядей не тревожьтесь, мы с сэром Растером за вас постараемся. Если нужно, еще людей привлеку, помогут. В таких делах вообще всегда готовы прийти на помощь. А вы думайте о судьбах королевства, экономике, месторождениях, залежах руды, взаимоотношениях церкви и лояльных колдунов...

Я покосился на него, набычившись, однако барон смотрит чистыми, ясными глазами, говорит настолько искренне и серьезно, что, не зная я его, как облупленного, мог бы и поверить в такую правдивость.

– Да, – сказал я горько, – самое время думать о том, как отвоевывать маркграфство...

Он поинтересовался:

– Еще не отказались от этой идеи?

Я сказал с тоской:

– К сожалению, я тоже рыцарь, хотя уже и политик. Не смогу отказаться от данного слова, ссылаясь на изменившиеся обстоятельства. Благородный человек должен платить долги, даже если самого ждут разорение и голодная смерть.

– Значит, Брабант, – проговорил он задумчиво.

– Да, – ответил я.

Он кивнул.

– Крепость там велика, все войско разместится. Хотя, думаю, и за крепостью достаточно места для лагеря, никого не тревожат... Сколько людей собираетесь взять?

– Сперва зашлем в Гандерсгейм разведчиков, – ответил я. – Составим карты. Хоть приблизительные. Я не хочу вторгаться наобум через земли, где на каждом шагу могут быть зыбучие пески, бездонные болота, поля с ядовитыми змеями или что-нибудь еще хуже.

Он содрогнулся всем телом.

– Господи, что может быть еще хуже?

– Вы не верите в человека, – упрекнул я мягко. – Не верите в человеческие возможности сделать не только хуже, но и пакостнее и вообще... Вам должно быть стыдно.

Он не понял, почему должно быть стыдно, но все-таки устыдился и на ходу пару раз скребнул пол ножкой, потому что это простолюдин может ничего не стыдиться, а рыцаря могут устыдить и ввергнуть в отчаяние даже плохо вытертые сапоги.

Бобик ринулся навстречу, мне лизнул руку, барону небрежно махнул пару раз хвостом, умчался, слышно было по коридору испуганные крики.

Я остановил дежурного офицера, тот вытянулся и ел меня глазами.

– Отыщи королевского советника барона Куно Крумпфельда. Где он находится, знаешь?

– Да, ваша светлость! В левом корпусе!

– Доставь его срочно.

Он исчез, барон Альбрехт прошел со мной и через последний зал, стражи распахнули двери в мои покои, а когда мы вошли, так же синхронно захлопнули за нашими спинами. Слышно было, как ударили в пол тупыми концами копий, показывая, что не ушли пьянствовать, на месте и усиленно бдят.

Я развернул на столе карту Сен-Мари, барон сочувственно вздохнул. Сколько ни всматривались, я так и не нашел, что сказать. Королевство в западной части испещрено горами, впадинами и возвышенностями. Квадратиками отмечены города, синими нитями переплетаются реки, немало озер, крупных и мелких. С юга королевство опускается в море, береговая линия очерчена со всеми деталями, указаны не только города, но даже поселки, а вот две трети на восток нанесены условно, будто за века картографы подзабыли даже общие очертания.

– Мда, – проговорил я тоскливо. – Не скажу, что это много.

В дверь постучали, заглянул офицер.

– Простите, ваша светлость, – сказал он виновато, – но церемониймейстер говорит, что нельзя без оповещения...

– Когда по делу, – сказал я, – можно. Где Куно?

– Здесь, – ответил он и пропал.

Вместо него вошел Куно, серый настолько, что почти человек-невидимка, все еще стесняющийся быть замеченным высокими лицами.

Он торопливо поклонился, заискивающе улыбнулся барону Альбрехту. Я нетерпеливым жестом пригласил к столу и указал на карту.

– Как думаешь, почему там пусто?

Куно пробормотал:

– Варвары... Охраняют свои тайны ревностно. Даже то, что не является тайнами.

– Но ведь сохранились же старые карты? – спросил я. – Неужели там и не было городов?

Альбрехт аристократически сморщил нос, на карту смотрел с откровенным пренебрежением.

– Вообще-то, – заметил он сухо, – странноватые в королевстве картографы. Как будто захваченные варварами города исчезли... А там, по слухам, были такие крепости... дикари просто не станут рвать жилы, разламывая и разбрасывая камни. Я порекомендовал бы поискать источники поточнее.

Я снова указал на карту.

– Куно, смотри внимательнее. Неужели из местных купцов так никто и не проник вглубь?

Он ответил с поклоном:

– А зачем? Там нет никаких богатств. Варвары покупают у нас все. Даже доспехи, которые у них носят вожди, и те все из наших пограничных городов. Раньше церковь запрещала такую торговлю, но кто ее слушал?..

– Понятно, – пробормотал я. – Нет запаха наживы, нет и добровольцев-исследователей. Это лишь христианские миссионеры идут в самые дикие места ради спасения душ. Значит, сперва все же составим карты. А я так хотел проскочить эту работу!

Альбрехт кисло улыбнулся, Куно развел руками.

– Карты, – сказал он осторожно, – хорошо бы. Возможно, в тех землях неисчислимые сокровища, о которых варвары не подозревают! Как закопанные древними, так и просто богатые залежи золота, серебра, меди... Может быть, богатая железная руда прямо на поверхности!..

– Оружие у них отменное, – согласился я, вспомнив, что древние кельты делали мечи на порядок выше классом, чем в Римской империи, – так что все возможно. Видимо, сперва зашлем туда лазутчиков. Без карт никакой император не заставит меня туда сунуться... барон, если вам не трудно, крикните из коридора стражника.

– Не трудно, – ответил барон Альбрехт чуточку сварливо, – но не пора ли наладить службы? Здесь же куча слуг! Рады будут выполнить любой приказ. Мать родную зарежут, только бы услужить...

Я отмахнулся.

– Это даже хорошо, что не заморачивался такой ерундой.

Он оглянулся уже от двери.

– Почему?

– Подумайте, – сказал я с недоброй улыбкой.

Он подумал, я понял, в какой момент догадался, потому что на лицо набежала тень, а рука на дверной ручке застыла.

– Уступите дворец?

– А что делать, – ответил я. – Законный хозяин – король Кейдан. Придется отступить. Барон поморщился.

– У кого меч – у того власть. Бог на стороне большей армии.

Он распахнул дверь, крикнул громко и властно, компенсируя малый рост и небогатырское сложение. Из коридора вбежал один из стражей, глаза преданные, грудь колесом.

– Отыщи Альвара Зольмса, – велел я. – Не хочу посылать за полководцем простых слуг, понял? Это честь, а не повинность!

Он бодро выпрямился, ликующе гаркнул:

– Будет сделано!

Исчез, а барон пробормотал:

– Вы даже перед рядовыми воинами словно оправдываетесь...

– Комплексу, – признался я. – Чувство вины, в смысле. Даже не знаю, почему.

Дверь с треском распахнулась, влетел Бобик, огромный и страшный. Куно застыл в кресле, но Адский Пес не обратил на него внимания, подошел и уставился жуткими глазищами, но с обожанием, на своего невнимательного хозяина.

– Вот настоящий орифламмовец, – представил я его советнику, – уже успел побывать на кухне. Никогда не забывает о своей выгоде!

Куно с усилием выдавил улыбку, комплимент у меня сомнительный, в королевстве уже знают, что в их страну вторглось войско духовников, в смысле, духовных личностей, даже высокодуховных, так что намек на примат мирских благ выглядит, скорее, порицанием.

– Ваша светлость, – доложил он очень серьезным голосом, – я собрал знатоков закона и права. Все еще спорят, но, должен сказать сразу, единого мнения ждать не стоит.

Я смерил его пристальным взглядом.

– Куно, – сказал я, – очень уж не хочется играть в какие-то сложные придворные игры. Конечно, глупо задавать такой вопрос, но я спрошу тебя в лоб: ты на чьей стороне?

Он вздрогнул, промямлил растерянно:

– Ваша светлость...

Я отмахнулся.

– Давай уточним позиции. Ты был королевским советником, но за королем не последовал. Впрочем, у Кейдана несколько советников, верно? Ты был одним из. Здесь стал первым и единственным. Я тобой доволен. Ты вроде бы тоже. Но сейчас все поменялось, запуталось, перевернулось. Вмешательство императора – это не протесты недобитого короля. Ты как, жаждешь возвращения законного короля или предпочел бы остаться при мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.